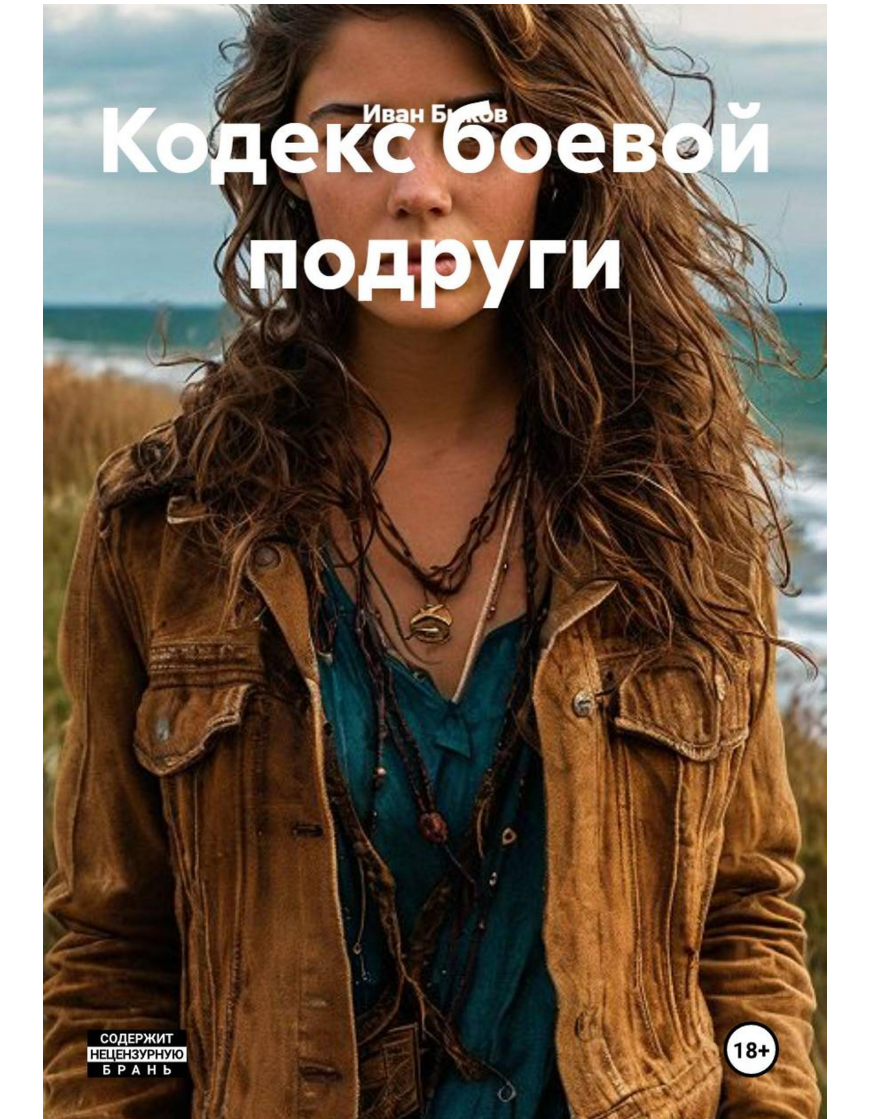

Иван Бажов

Кодекс боевой подруги

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Иван Быков

Кодекс боевой подруги

<https://litres.ru/74188989>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ясмин, обычная девушка из небольшого провинциального городка у моря, мечтает о любви, ищет своего мужчину, но находит лишь разочарование. «Такова жизнь» — смиренно говорят многие. Но не Ясмин. В поисках счастья девушка отправляется по дороге из житейского кирпича все к новым и новым приключениям. В пути она составляет карту — «Кодекс боевой подруги», свод универсальных правил, применение которых позволит хотя бы в некоторой мере постичь это загадочное, неизведанное существо — мужчину. Сможет ли Ясмин замешать из найденных ингредиентов рецепт личного счастья, сможет ли сварить то приворотное зелье, выпив которое, самый главный, единственный мужчина возьмет ее за руку и больше не отпустит? Куда ведет ее путь — к циничному умению нравиться мужчинам или к высочайшему мастерству любить и быть любимой? Этот по-настоящему «мужской» роман — для женщин. Или же истинно «женский» роман — для мужчин.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Иван Быков

Кодекс боевой подруги

Глава

Кодекс боевой подруги
Codex combat companion
(Со-со-со, или Ко-ко-ко)

Универсальное пособие для женщин по эксплуатации мужчин любой комплектации.

«По крайней мере, она была с самураем, а не с бандитом».
Акира Кurosава, «Семь самураев» (3ч.12 мин.).

Триммер – аппарат для удаления ненужных волосков.
Филировка – прореживание волос.

Триммер 1. Не ревнуй.
1.

Яша не ревновала мужчин к их женам. Она была в свои двадцать четыре достаточно мудра, чтобы понимать: любое «доверяй» обязательно влечет за собой «доверяйся». Любая ревность может вызвать отдачу, многократно превышающую по силе изначальный порыв.

Не то, чтобы Яша не умела или не хотела доверить себя в чьи-либо уверенные мужские руки, но сам факт такого доверия... Требовалась готовность стать одним целым с предметом отношений, с избранным. Другими словами, выбор избранника был процессом крайне неоднозначным и весьма запутанным. Яша не желала выбирать. Выбирали ее. Она лишь подтверждала или (что происходило намного чаще) не подтверждала выбор.

И потому Яша не ревновала мужчин к их женам.

Да и само наличие жены воспринималось Яшей исключительно как данное, неперемное обстоятельство, как утренняя свежесть, как розовый цвет лепестков у цветка, как шум реки, бегущей по камням рядом с берегом. Яша была одним из берегов, жена – другим. Нет тут никаких сложностей, требующих психоанализа. В свое время – Яша знала об этом и не переживала из-за этого - она окажется на правом берегу, а кто-либо создаст для реки левый берег. Очень просто.

Поэтому Яша оставляла все эти мысли ни о чем для женщин глупых, любящих заморачиваться. Сама Яша заморачиваться не любила. Во всяком случае, не на такие темы. Внутренний покой дороже. Когда в очередной раз речи сии начинали литься в ее, Яшины, изящные ушки, она просто мысленно повторяла про себя «Ко-ко-ко» и начинала видеть напыженный клюв очередной курицы, но переставала смотреть в ее очи, подернутые поволокой куриной слепоты.

Собственно, о себе Яша говорила тоже «Ко-ко-ко», толь-

ко в другой, сакральной, трактовке, в иной транскрипции, составленной ею лично (так ей казалось). Писать полагалось латиницей, а читать так, будто бы выражение записано кириллицей. Выходило «Со-со-со», что, с одной стороны, вызывало неприкрытые эротические аллюзии, а с другой, - являлось слоговой аббревиатурой трех иноземных слов: «Codex Combat Companion». Яша переводила эти слова как «Кодекс Боевой Подруги». А сама «иноземность» выражения наделяла Яшу чувством собственной важности.

Именно боевой подругой считала себя Яша в отношениях с «допущенными» к таким отношениям мужчинами, имела свой, продуманный за полдесятилетия кодекс и старалась по своему этот кодекс чтить. Но на сей раз не получилось.

2.

В какой момент ее угораздило «сломаться», Яша и сама толком объяснить не могла. Ни цветы, ни суммы, ни слова, ни поднесенные подарки, ни проявляемое внимание такой эффект произвести уж точно не могли. Даже этот мужской полумиф - «я отличный любовник» - будь он не только полумифом, не смог бы сломать девушку.

Нет, нельзя сказать, что Яша привыкла ко всему этому мужскому арсеналу, имеющему цели завоевать и заполучить (а главное доказать самому мужчине и окружающим, что он-таки может заиметь и заполучить). Нельзя сказать, что была абсолютно равнодушна к словам и действиям своих «боевых друзей», но, как стало очевидным лишь в свете последних

перемен, все эти радости могли подарить счастье исключительно в некой нужной пропорции. Счастье оказалось совокупностью радостей, подобранных по индивидуальному рецепту. Даже самые сложные вещи сотканы из самых простых вещей.

И ему удалось этот рецепт подобрать, причем не преднамеренно. Скорее всего – интуитивно-случайно. Яша просто не могла представить человека с нехитрым и чистым именем Степан в таком антураже: вот он стоит над зловещим колдовским керидвеном и бросает в котел все новые и новые ингредиенты, дабы изварить приворотное зелье для нее – для Яши.

Собственно, Яшей девушка стала лет пять назад.

После очередного выброса молодого задора на каком-то шумном, но невеселом танцхолле, они стояли (вернее, он – стоял, она – присела по понятным причинам) в кустах парковой аллеи. Можно было, конечно, произвести ритуал облегчения и в уборной клуба, но в женский, как всегда, была очередь, а в мужской Яша не пошла бы из соображений морали да этики. Теперь, когда у нее собственный кодекс, – легко, тогда – нет. Да и пора было исчезать – становилось скучно.

И потому находчивый и предприимчивый (за эти качества она его тогда и ценила) Ильдар воззвал: «Айда в парк!». А потом, выказывая недюжинную эрудицию, даже продекламировал: «Там под каждым ей кустом был готов и стол, и

дом».

- Нам, - поправила она за две минуты до обретения нового имени.

- Прости? – уточнил Ильдар.

- Нам был накрыт... - пояснила девушка, а подом добавила, чуть подумав:

- Да и не дом мы там ищем. И уж точно - не стол.

Ильдар рассмеялся, и они рванули.

3.

Он стоял, она присела. В таком занятом ракурсе Ильдар, что был всего на пару лет старше спутницы и всего на несколько сантиметров выше, казался почти великим. Ну, пусть не великим, но уж точно – значительным. Он лил струю так долго, что как бы свидетельствовал тем самым не только о плебейском переборе пива, но и об аристократическом здоровье.

- Понимаешь, Яшка, - и это было в первый раз, когда это имя увидело свет, - понимаешь, так много песен, так много стихов, так много анекдотов сложено о браке, что вывод один: мужики женятся лишь для того, чтобы потом до конца дней ненавидеть своих жен. Оно те надо?

Так, с последней каплей Ильдаровой мочи, излитой в корни парковых кустов, Ясмин стала Яшей, а мечтающая о свадьбе простушка превратилась в боевую подругу. Начинаящую, но уже боевую. Ко-Ко-Ко превратилась в Со-Со-Со. И стала составлять собственный кодекс. Поняла, что не стоит

лезть на чужой трон, а потому стала рисовать собственное королевство. И у Яши выходило весьма неплохо, весьма основательно. Пока не появился Степан.

Яша иногда называла Степана Стефаном – одна буква, один измененный звук в имени, и рубаха-парень Степа превращался в венценосного Стефаноса. Тот же, например, Ильдар, «предводитель», всегда был для Ясмин «обладателем престола», но легко и быстро спрыгнул с трона, как только Ясмин стала Яшей. Превращение осуществилось единожды и имело регрессивный характер.

Степан же превращался в Стефана при всякой встрече, после чего вновь становился Степаном: такая игра сначала забавляла Яшу, а потом стала для нее незаменимой. Яша наслаждалась этой игрой, как, наверное, Йоко Оно, присылавшая Леннону записки с посланиями «Дыши и помни», «Я – облако», «Смотри на огни до рассвета».

После Ильдара были другие – много, разные, те, что радовали, и те, что огорчали, но беда была в том, что вот это самое «после» сам Ильдар прочувствовать не мог. Он все еще мыслил категорией «во время» - в его, Ильдарово, время. И это самое нечувствование стало для Яши – тогда уже Яши – настоящей бедой. Она увидела ревность во всей неприглядной агрессивной отвратительной красе.

Он приходил - приходил ежедневно и выдергивал Яшу из ее жизни в свою, Ильдарову, жизнь. Выдергивал жестко, безапелляционно, даже не подразумевая, не задумывая, в мыс-

лях не имея взаимного желания. И жизнь Яши стала существованием.

Она тогда жила уже сама. Ей было девятнадцать. Высшее образование прошло стороной, но не потому, что так захотело само высшее образование, а потому, что так решила сама несостоявшаяся абитуриентка. Ясмин всегда желала стать стилистом-парикмахером и пронесла свое желание сквозь слезы матери и угрюмое сопротивление далекого отца.

Отец – видимо, от удивления – даже обнаружился однажды на пороге женской обители, ворвался в квартиру с бесцеремонностью потомственного силовика, презрительно обозвал Ясиновы мечтания «куаферством». Потом покричал часа полтора на кухне с бывшей женой, Яшиной мамой, громко накидал в лицо Ясмин десяток специальностей с названиями институтов и университетов и даже с ориентировочными экзаменами, необходимыми для поступления, – в общем, подготовился к встрече. Впрочем, на этом воспитательные функции он посчитал выполненными в полном объеме и вновь скрылся в своем неизведанном, тогда еще таинственном для Яши мужском мире, не забыв бросить через плечо: «Моя дочь – волосаяная чесала! Позор».

4.

И дочь стала «волосаяной чесалой». Ей не понадобились для этого соответствующие факультеты институтов, техникумов, училищ. Ей понадобилось желание, живая фантазия, ловкие руки (ох, как эти ловкие руки пригодятся ей в даль-

нейшем!) и несколько месяцев интенсивного тренинга у достаточно известной в городе мастерицы, «укротительницы волос», как та сама себя называла.

Эта самая «укротительница волос» заметила талантливую курсантку, предоставила ей работу, а уже через пару месяцев открыла и отдала в умелые руки Ясмин отдельный салон, входящий в брендовую сеть. Так что Ясмин оставила Яше в наследство интересную творческую работу, хороший достаток, отдельную квартиру и относительную свободу. И Яша пользовалась этой свободой в полной мере. Пока на свободу не наложил свою бесчувственную руку Ильдар.

Ильдар вел разъяснительные беседы со всеми парнями, осмелившимися приблизиться к «его» Яше. Ильдар установил круглосуточную слежку. Ильдар проводил мониторинг всех Яшиных страниц в социальных сетях. Ильдар звонил и устраивал Яше телефонные разносы до тех пор, пока Яша имела неосторожность принимать телефонные вызовы. Потом установил дежурство у парадной дома, где Яша жила, и у дверей салона, где Яша работала. Ильдар вырывал из рук телефон и листал меню сообщений и контактов. Ильдар кричал, Ильдар плакал, Ильдар умолял, Ильдар угрожал. Он врывался в трудовые будни, он упразднил Яшин досуг. Яша перестала принадлежать себе и возопила.

Уверенная в себе, самостоятельная, она вдруг ощутила ярую необходимость выплакаться. И впервые за последние два года обратилась к матери.

За два часа Яша, которая вновь стала Ясмин на время пребывания в маминой кухне, обрыдала во всех подробностях последние две недели своей изменившейся жизни. Мать слушала, подливала недорогой бренди в обычный двухсотграммовый гладкостенный стакан, почти молчала или едва говорила, - была матерью. А потом, когда Ясиновы глубокие глаза обмельчали от усталости; когда дочь упала изящной, но тяжелой от бренди головой на ловкие свои тонкие руки, ставшие сонно-неуклюжими, сложенными на бежевом пластике стола; когда волны темных длинейших Ясиновых волос залили добрую половину этой самой столешницы; когда дочь забылась сном, на стуле, расслабив хрупкие плечи, мать встала из-за стола, нашла телефон и позвонила своему бывшему мужу.

5.

Пробудившись, не выспавшись, обнаружив себя на стуле в маминой кухне, в отсутствии памяти, но в присутствии похмеля, Ясмин вновь стала Яшей. Приняв из заботливых маминых рук хмельной бокал («Здоровья ради, не во зло»), Яша довольно холодно попрощалась и вновь отправилась во враждебный мир: сражаться с Ильдаром.

Но Ильдар пропал. Вернее, он был где-то там, в иной жизни, – проходил иногда мимо по другой стороне улицы, хмуро глядя исподлобья куда-то под ноги, но не звонил, не наседал и более не старался оторвать «свой» кусок Яши. Ильдар пропал из Яшиной судьбы. Но повлиял на нее. Он дал Ясмин

новое имя. И первую заповедь в «Кодекс Боевой Подруги»: «Не ревнуй!».

В дальнейшем Яша научилась распознавать «ревнующих» в течение первого же разговора. Научилась – не то слово. Как-то неожиданно, водночасье выработалось в ней это тонкое умение, возникло на уровне рефлекса, как умение кошки приземляться не на спину, а на мягкие лапы. Именно так – мягко – отстранялась от таких мужчин.

Не задумываясь о природе ревности, Яша постигла ее интуитивно. И незамедлительно ощутила плоды этого нового знания. Не стало обид, а, следовательно, не стало обиженных. Избегая тех, кто мог обидеться на нее, Яша обнаружила, что жить стало... вольготнее, что ли.

Сверстники сжигали себя в конкурентной борьбе за самок, а конкуренция порождает внутренние сомнения, которые порождают ревность. И как-то так само собой вышло, что сверстники исчезли из Яшиного окружения. А появились мужчины иного рода: обстоятельные, состоявшиеся; такие не обижались, если соблюдать некоторые правила, хотя, безусловно, могли обидеть сами.

6.

Яша поняла, что на пути дальнейшего самосовершенствования, без которого невозможна никакая свобода, лежат новые пункты «Кодекса Боевой Подруги», новые заповеди успешного общения с мужчинами. Их нужно было искать и найти, а для этого нужно было постоянно упражняться. И

Яша стала на путь тренировок – иногда изматывающих, иногда приносящих разочарования, иногда выбивающих из колеи. Но Яша была девушкой целеустремленной: решив раз, она с пути не сворачивала, как это было, например, при выборе профессии.

Итак, первым пунктом «Кодекса» она определила «Не ревнуй!» и занялась закреплением этого правила на практике.

Вначале было безумно сложно: Яша была женщиной, а значит, была обуреваема страстями и эмоциями. Кроме того, чувство собственности ей никогда не было чуждо. Поэтому Яша решила начать с самого сложного, чтобы потом уже ничего не было страшно.

Из всех более-менее доступных звезд сцены она выбрала того, о котором можно было с достаточной уверенностью сказать, что он не гей. Взяла билет на концерт, пробилась за кулисы, выразила восхищение, взяла автограф и вошла в его, Звезды, жизнь, да и сама сделала его, Звезду, частью своей жизни.

Звезда оказался весьма издержанным, но также весьма бойким на сцене и в постели. В прошлом он был поэтом, но потом начал петь, а, как известно, поэты перестают быть таковыми, как только начинают петь. Они обретают некое иное качество, переходят в некую иную ипостась, едва лишь выходят на сцену со своими стихотворениями, которые тоже перестают быть стихотворениями, становясь песнями.

Все это было слишком сложно для Яши, да она и не стремилась все это постичь. Она запомнила лишь, что от поэта в Звезде остались какие-то характерные мелочи, вроде того, что свои гитарные медиаторы он называл плектрами, что, собственно, то же самое, но только для кифары. Яша искала в этом общении нечто иное. И нашла.

7.

Яша звеном вошла в ту цепочку, о которой поет один из известных исполнителей:

*Гостиница, вино, телевизор, барабанищик-сосед,
Иногда кто-нибудь еще, кто сделает минет.*

И она стала привычным декором всех его гостиниц, поательницей всех его вин (и не только), решательницей всех его бытовых проблем, гостеприимной хозяйкой и «своей в доску» для всех его друзей, будь они барабанщики, гитаристы или кларнетисты. Она стала его тенью. И, в конце концов, сумела добиться того, что при мыслях о минете у него не возникало никаких сомнений в том, кто именно будет этой самой «кто-нибудь». И, конечно же, она стала его стилистом-парикмахером. При этом Яша вовсе не стремилась стать для Звезды единственной. Яша просто старалась быть боевой подругой.

Яша отучалась ревновать. Он ей врал, она делала вид что верила, но через некоторое время поставила вопрос ребром (она тогда еще не закончила свой «Кодекс», а потому допускала довольно серьезные промахи). Итак, вопрос реб-

ром прозвучал следующим образом: «Если секс, то я всегда должна быть рядом».

И он согласился, с такой легкостью, как будто сам хотел ей давно предложить именно такую схему отношений. Начались оргии: какие-то мужики, какие-то герлы разного качества, в разных количествах и комбинациях, в разных состояниях и с разными, порой достаточно экзотическими, желаниями более не покидали их, Яши и Звезды, постели (или где могли происходить данные ритуальные действия).

Яша обрела колоссальный эмоциональный и сексуальный опыт, открыла в себе множество неожиданных (даже для себя самой) талантов, поняла, что умелым рукам (и не только рукам) существует множество способов применения, кроме парикмахерского мастерства. Но главное - сделала много важных выводов, из которых наиболее ценным был следующий: мужчинам претит ложь. В том смысле, что любой мужчина с огромным удовольствием выложит своей женщине адскую правду собственного мира, если женщина будет готова эту правду принять. Но таких нет. Ни одна женщина не готова спуститься в мужской ад, стать своеобразными Орфеем для Эвридики или Идзанаги для Идзанами, только наоборот. Лишь Боевая Подруга.

И Яша укрепилась в желании пройти этот путь до того конца, на который вообще способна женщина. И в некий момент, убедившись, что Звезда находится в надежных руках, тень ушла от хозяина. Она ушла тихо и незаметно, как и по-

ложено тени. Ее ждали новые подвиги, новые вехи на пути становления. Яша не читала Аристотеля и не знала, что любое становление – лишь шаги от возникновения идеи до ее уничтожения.

Яша научилась не ревновать. Но главное: перестала искать в мужчинах будущего мужа. Она не только решила, но и стала видеть в мужчинах тех, кем они, по сути, и являются: мужчин.

И еще Яша вывела вторую заповедь «Кодекса». Вернее, начала выводить, оказалась на пока еще далеких, но все же – подступах к ней.

Триммер 2. Будь рядом.

1.

- Ты была редкостно распутна, - Татьяна затянулась и выпустила густую струю дыма в бокал с вином. У Яши почему-то появились некие эротические ассоциации при созерцании сего действия.

- Распутна? – Яша не отрывала утомленного взора от дымной струи, растекающейся в бокале над поверхностью белого вина. – Назови уже своими словами. – Яше надоела Татьяна, ей осточертел этот разговор, она хотела поставить емкую матерную точку.

- Не хочу, - как будто почувствовав настроение бывлой спутницы по звездным оргиям, ответила Татьяна. – Пусть остается «распутна». Ты была редкостно распутна. Ты всегда

вела себя по принципу «Моя киска жаждет риска».

- Во-первых, не только киска. А во-вторых, в чем заключалось мое распутство? – почти улыбнулась Яша. – В том, что ты уходила под разными предлогами за минуту до того, как все начиналось? А я оставалась?

Яше было жаль Татьяну. Но не более. От этой жалости до сострадания было, как от блохи до звезды Сириус. Таня строила планы на Звезду, стремилась стать для него единственной, а потому формировала образ поклонницы целомудренной, верной, надежной. Все эти качества, по наивному убеждению Татьяны, делали женщину потенциальной претенденткой на руку и сердце мужчины, даже такого малопригодного на роль мужа мужчины, каким был Звезда. Вот только все эти преждевременные уходы отнюдь, по мнению самого Звезды, не добавляли надежности. И более того: представлялись именно неверными, с позиций того понимания верности, которое бытовало и бытует в определенных кругах. Со мной во правде и грехе – ты мне верна; не со мной – не верна. Яша знала это определенно, поскольку в угаре и дыме Звезда часто звал Татьяну и таких, как она, ванильными целками и слал в их сторону наиболее неприличные из используемых им в общении жестов.

И вот – разочарование. А ведь Яше хватило всего лишь одного пункта «Кодекса», чтобы сидеть сейчас на подоконнике, весело болтая ногой, возвышаясь, при своем-то невысоком росте, духовно и физически над понуро бухающей и

куращей подругой, длинноногой-модельной внешности. Ох, уж эти пи***страдания...

2.

Но уже в те времена чуткая душа Яши стала формировать, пока смутно, второй пункт «Кодекса»: «Будь рядом». Во что бы то ни стало, будь рядом с тем, кого избрала (или кто избрал тебя, что не меняет сути), пока ему необходима твоя близость. И вопрос не в том, кажется ли тебе происходящее в данный момент отвратным, мерзким, неправильным: если тебе это кажется отвратным, значит, неверен сам факт твоего выбора – отмени выбор. Но если ты здесь и сейчас, то принимай происходящее как данность и – будь рядом. Во что бы то ни стало – будь рядом.

- Есть крепкие? – спросила Татьяна, и Яша не сразу поняла, о чем ее спрашивают: о напитках или сигаретах.

- Текила, - сказала наудачу и попала.

- Тащи! – приказала Татьяна. – Неси, - попросила через секунду совсем иным тоном. Не только тон голоса – в Татьяне произошли иные перемены: она признала Яшину мудрость, хотя пока еще не осознала собственную дурь.

Яша выставила одну высокую рюмку (сегодня Яше не хотелось «нагружаться» - ей хватало вина), тарелочку с дольками лимона (лайма в доме не было) и притащенную кем-то когда-то бутылку какой-то «Sauzy» - Яша не разбиралась – да им же, самым притащившим, и на треть початую. Судя по тому, что две трети сока голубой агавы все еще были в

сосуде, притащивший «Sauzy» надолго в доме Яши не задержался.

- «Silver», - заранее скривилась Татьяна, но, тем не менее, резко скрутила крышечку и решительным движением наполнила рюмку до краев. Потом не глядя сыпанула соль из открытой солонки на язык, опрокинула следом напиток и... До дольки лимона дело не дошло – Татьяна, издавая звуки, которые равно можно было назвать как спазмами, так и агонией, рванула в уборную.

Вечер был окончен. Яша покачала головой: она знала, что в эту солонку помещается две чайных ложки соли. Солонка была полна. Блюй, Татьяна...

3.

До того, как тень отбросила тело Звезды, Яша видела немало таких женщин, как Татьяна. Женщин, бесхитростно предполагавших, что часть может заменить целое, что одна женщина может заменить мужчине всех других. Какое безапелляционное самомнение – видеть в себе непревзойденный идеал; какое неуважение к мужчине – нивелировать все его глубины, настроения, порывы, сужать их в одну точку!

Образное Яшино мышление рисовало такую картину Иеронима Босха: из тысяч и тысяч существ, наделенных различными качествами душ и различными свойствами тел, аморфное нечто отрывает по куску и лепит, лепит, лепит себя из этих лохмотьев. Мажет клеем неосознанных мечтаний, мгновенных позывов, шьет хирургическими нитями душев-

ных велений и пришедших из детства устоявшихся паттернов-фигур. И вот таким извращенным образом собранное творение, достойное пера Мери Шелли, гения барона Франкенштейна, этот многошовный распадающийся, придерживающий собственные части монстр, пытается заключить избранного мужчину в объятия с ультимативным утверждением: «Я твой женский идеал, всегда, во всем, везде, при любых обстоятельствах! Ешь меня! Пей меня! Говори со мной! Трахай меня! Люби меня! Только меня! Только со мной! Остальных – сожру!»

Яша невольно наморщила носик и передернула плечами. Бежать! Бежать от этой дичи! И сказано же было ей: «Не ревнуй!», но она не услышала, не вняла. Обернулась не вовремя, как жена Лота, и стала соляным столпом. Кем сказано? Да хотя бы здравым смыслом. Опытом. Мудростью житейской. Твоим мужчиной.

Не ревнуй и будь рядом. Но вторая эта заповедь была окончательно внесена Яшей в неписанный свой «Кодекс» чуть позже, после встречи с юристом-фрилансером.

Будучи тенью Звезды, Яша оттачивала мастерство владения правилом «Не ревнуй!», как самурай месяцами оттачивает один единственный удар-субури, чтобы потом эффективно использовать его в кумитачи, в парной схватке. За время этой тренировки Яша уяснила, в том числе, одно важное обстоятельство: мужчине порой просто необходима женщина. Трудно представить себе, до какой степени бывает необ-

ходима.

Но у каждой медали, как ни банально это звучит, всегда есть и аверс, и реверс. Любой женщине нужен мужчина. Одиночество имеет определенное обаяние, но является лишь частным состоянием. Перманентно же – люди животные парные. Нужны друг другу.

Мужчина Яше был нужен. Как любой женщине. Просто она убрала единственное число, пришла к числу множественному. И сменила критерии поиска. Не перестала искать, нет, но сменила критерии. Конечно же, поисковая эта операция велась не целенаправленно: Яша не была светской львицей, охотницей за жирной дичью, нет. В ней по-прежнему жила девчонка-простушка. Зондирование проходило на уровне подсознательном, но оттого не теряло, а может быть, даже обретало – за счет интуиции – высокий коэффициент полезного действия.

4.

- Постригите мальчика? – задорно попросил ухоженный мужчина около полудня в один из будних дней.

День был зимний. Администратор салона слегла с жестким гриппом, а ее сменщица была в отпуске и в это время надевала естественный египетский загар на тот, что был получен в бесплатном для сотрудников солярии салона. Можно было попросить посидеть за стойкой кого-нибудь из девчонок-мастериц, но Яше сегодня решилось поработать самой.

- Конечно, - приветливо улыбнулась Яша посетителю. – У

нас замечательный детский мастер. Вы по записи?

- Честно говоря, нет, не по записи, - понурился посетитель. – Да и детский мастер, думаю, - это уж слишком. На работе не поймут, если меня пострижет детский мастер.

- Замечательный мальчик, - улыбнулась Яша. – И мальчику нужна деловая стрижка?

- Очень деловая! – охотно подтвердил мужчина. – Самая деловая из вашего ассортимента.

- Марина! – позвала Яша мастера. – К тебе клиент. – И пока клиент пристраивал пальто на вешалку, профессионально поддерживала разговор, «для создания настроения»:

- Вы, наверное, депутат?

- Депутат? – искренне удивился клиент. – Им-то зачем деловые прически? Они как раз могут ходить без комплексов – хоть с бобриком, хоть с ирокезом.

Яша любезно ответила улыбкой и задала молчаливый вежливый вопрос.

- Я фрилансер, - утвердил мужчина, усаживаясь в кресло мастера и поднимая подбородок под накидываемый Мариной пенюар.

- Что за зверь такой – фрилансер? – громко спросила Марина за спиной клиента, чем вызвала улыбки у всех сотрудников салона, да и у самого «зверя».

- Вольный труженик. По юридической части, - отулыбавшись, пояснил мужчина. – Где что сопроводить, где составить, где по кабинетам пронести, где проконсультировать,

ну, или в судах разное. Так что обращайтесь при надобности, - последнее предложение явно предназначалось исключительно для Яши. Яша улыбнулась Фрилансеру благодарственно, - мол, всенепременнейше воспользуемся щедротами.

Работа закипела, защелкали ножницы, зажужжала машинка, полетели срезанные пряди черных волос. Клиент несколько раз прерывал процесс стрижки, вынужденно отвечая на телефонные звонки. Речь его звучала профессионально, обсуждаемые дела были разного калибра и казались весьма многоплановыми.

Фрилансер более не развлекал персонал беседами, рассчитался щедро и улыбочиво, а затем попросил визитку салона. В зеркало перед выходом полюбовался в очередной раз работой мастера Марины, объявил, что красота – это страшная сила и исчез за входной дверью.

А ровно через пять минут позвонил и пригласил Яшу на обед.

- Может, вечером? – как-то сразу согласилась Яша.

- На это я пойти не могу, - без обиняков объявил Фрилансер. – По семейным обстоятельствам.

Ухажер оказался женат, но Яша не ревновала мужчин к их женам.

5.

Роман закрутился бурный. И Яша, и Фрилансер график имели ненормированный, времени урывать удавалось нема-

ло – было бы желание. А желание было. Встречались, как правило, у Яши. Иногда – в машинах, благо на колесах были и он, и она. Иногда в гостиницах. Все это больше для романтики. Но чаще всего - у Яши.

Через некоторое время Фрилансер стал отдавать Яше все то, что в его профессии было «фри» - все свободное время. Однако вряд ли можно было назвать его влечение к девушке отдачей. Яша не просто стала нужна ему: он требовал ее присутствия в любой момент жизни, когда не был занят этим своим «лансерством». И если вспомнить, что лансер, по сути, - воинский чин, улан, то можно было бы сказать так: всякий раз, когда Фрилансер не уланствовал, не размахивал саблей на своей мужской работе-войне, он призывал своего верного оруженосца – Яшу.

Нельзя сказать, что Яша ощущала дискомфорт, что ей не нравилась эта односторонняя эмоционально-физическая тяга. Наоборот, тяга была обоюдной - Яше льстило Фрилансерово внимание, ей импонировало быть нужной. Некогда Яша была нужна и Звезде, но тот благосклонно дарил свою нужду в девушке, а тут благодарность избранника была очевидной.

Порой Яша бросала свои рабочие дела и мчалась обедать в ресторан или гулять рука об руку по набережной вдоль песчаных пляжей. Или просто заняться сексом в честь удачно продвинутой Фрилансером по инстанциям бумаги. Яша стала привыкать к такой жизни и с удивлением заметила, что ей это все даже «идет», что это ее стиль.

Яша привыкла быть рядом. Это не было самопожертвованием, это, скорее, было вполне жизнестойкой формой социального симбиоза: она понимала, как была ему нужна, а он был нужен ей тем, что всячески показывал, как в ней нуждается. Если же по какой-либо немыслимой причине Яша не могла явиться на зов «как лист перед травой», то избранник ее начинал буквально паниковать, поскольку ощущал отсутствие своего оруженосца чуть ли не на физическом уровне. Он звонил, он торопил, он спрашивал, не явиться ли ему самолучно, он держался хотя бы за ее телефонный голос.

В таком настойчивом «внедрении себя» в ее жизнь Яше, как в двадцать пятом кадре, иногда виделся Ильдар. Но в требованиях Фрилансера не было агрессии, не было безапелляционных претензий на застолбленную собственность. Скорее, была мольба. Ильдар заявлял: «Отдай себя!» Звезда позволял: «Дари себя!» Фрилансер просил: «Поддай себя». И добавлял: «Ну, пожалуйста!»

Яша вспомнила Звезду, тенью которого она была всего несколько месяцев назад, и невольно улыбнулась, представив, что мог бы он сказать применительно к этой ситуации – к неявке боевой подруги по первому зову. Наверное, он бы сделал неприличный жест и крякнул бы презрительно: «Свободна! Зови следующую».

Степан, безусловно, поступил бы иначе, но до Степана Яше предстояло проделать еще довольно долгий путь и внести в «Кодекс» еще множество пунктов.

А пока в неписаном Яшином «Кодексе Боевой Подруги» окончательно закрепились заповедь «Будь рядом!», та самая, что по капле становилась убеждением еще во времена Звездовы.

Яша не разбрасывала дары любви направо и налево, понимая, что «Не ревнуй!» достаточно каверзная в практическом применении заповедь, особенно для мужчин. Осознав свою исключительность, Фрилансер в какой-то момент стал считать Яшу незаменимым, а главное - незыблемым атрибутом собственного бытия. И, конечно же, спустя совсем небольшое время, левый берег стал заметен с берега правого.

Яша не ревновала мужчин к их женам. Но, как выяснилось, жены (во всяком случае, данная конкретная жена) ревновали Яшу к своим мужьям.

6.

Звонок в дверь раздался вечером, и Яша была уверена, что за порогом – Фрилансер с каким-нибудь очередным сюрпризом: с новым разговором о каком-нибудь только что удачно законченном деле или с новым девайсом из секс-шопа для немедленной апробации в условиях Яшиной квартиры. И потому даже не глянула в дверной глазок. И была удивлена, обнаружив за порогом незнакомую женщину. Профессиональным взглядом стилиста Яша мгновенно определила, что салон незнакомка посещает часто: рыжеватый ухоженный волос выглядел дорого, а вот маникюр, не менее дорогой, по Яшиному мнению, был несколько – как бы сказать

точнее? – пижонен.

Незнакомка лорнировала хозяйку квартиры с не меньшим тщанием. И не было в этом микроскопном изучении взглядом ни всепрощающей доброты, ни всепонимающей мудрости. Была неприкаянная злость, была решимость вне разума и без осознания цели. Уже через несколько секунд Яша поняла, кто перед ней, и чуть посторонилась, давая гостье возможность зайти.

Женщина в комнату не пошла – остались стоять в прихожей.

Женатый мужчина был рядом с Яшей впервые, а потому не знала она, какие на том, правом, берегу, бывают отношения. Отношения на правом берегу у Фрилансера были не ахти. Сам он рассказывал неохотно, но обрывки недонесенных мыслей, короткие фразы, быстрые ответы на некоторые случайные Яшины вопросы в совокупности создали картину сложную, к Яшиному «Кодексу» никакого отношения не имеющую. Но - не ахти.

Яша понимала, что ошибки допускают и мужчины, и женщины, и вот сейчас, глядя на вечернюю гостью, уверилась в мысли, что в этой паре больше женских ошибок. Однако не ей, Яше, быть арбитром или аналитиком. Ей, Яше, быть боевой подругой Фрилансера. Не она шла теми тропами, что слиплись в перекресток, сведя двух разных людей в единую семью. Это тема для совершенно иной повести.

Самым ярким, объемным элементом, по которому Яша вывела это свое «не ахти», была форма номинации, которой пользовался Фрилансер, обозначая свою супругу. Не имя, не нежное прозвище, ни даже имя-отчество... Вернее, именно последнее, но в такой неприятно-искаженной форме, что Яша всякий раз морщилась, когда слышала: Урина Владимировна. Правда, надо отдать должное Фрилансеру, произносил он это прозвище-отчество всего несколько раз и то – в сторону, без позерства, как бы про себя и всегда после телефонного разговора с женой.

Кто, кого, каким образом и за какие места держал в этой семье – пусть остается за кадром, но одно Яша видела ясно, видела своими чистыми, глубокими глазами-озерами и своей, несмотря на суровые Ильдаровы и Звездные уроки, неискушенной душой: в этой семье не было самого главного – любви. Когда любовь есть, не страшны семье никакие левые берега, кто бы туда не заплыл – не забрел. А когда любви нет, друг друга нужно отпускать. На все, как говорится, четыре...

И вот теперь Яша смотрела на эту ухоженную, но несчастную, убивающую себя женщину, которую собственный муж называет Урина Владимировна, и думала, как поступить. Дело в том, что Яша страшно не любила вступать в разговоры с женщинами, которые считают ее сволочью – насмотрелась-наслушалась таких, будучи боевой подругой Звезды. Но, видимо, в этот раз все же говорить придется.

- Енот-потаскун, - объявила Урина Владимировна вме-

сто приветствия, и когда Яша удивленно приподняла бровь, охотно пояснила:

- Все ему нейдет, хочется в своих лапках енотовых что-нибудь потаскать-полапать-потеребить.

- Так пусть теребит, - наивно посоветовала Яша. Она уже смирилась с тем, что официальный ритуал знакомства «проехали».

- Это ты, красавица, тереби, - парировала гостя. – Себе тереби, а не мужу моему.

- Кто, что и кому будет теребить – позвольте решать без чьих-либо советов, - тихо произнесла Яша.

Ей бы спасовать перед этой напористой и грубой женщиной, которая была лет на десять старше и настолько же глупее. Даже не глупее, нет, - примитивнее, что ли?

Но почему-то вспомнила Яша в этот момент кусочек урока древней истории. Скорее всего, по созвучию имени Ирина, вспомнила Яша, что в Древней Спарте иренами называли молодых мужчин, двадцати-тридцатилетних, уже идущих на битву, но еще не мужей в привычном представлении спартанцев, уже мужчин, но еще не мужей – без семьи, без женщины. «Иди в атаку, жена без мужа. Или иди ты в сраку», - весело подумала Яша и указала гостю на дверь. Так и указала – с улыбкой.

И видимо потому, что улыбка эта Яшина была открытой, незлобливой, искренней, спасовала агрессивная Урина Владимировна. Спасовала и - ретировалась. Безоговорочно и

быстро. Но последний укус нанесла. Ядовитый укус, с ее, Урины Владимировны, точки зрения, даже смертельный для Яши. На самом же деле, дышащий бессильной ненавистью.

- Вот, - сказала Урина Владимировна уже за дверью, - тут исключительно удачно выписан Ваш портрет. Нашла в интернете, не смогла удержаться, Вы уж простите, - и передала через порог подарочный конверт. По лестнице вниз тяжело, редко и зло затопали набойки высоких каблучков. Яша закрыла за гостьей дверь и распечатала конверт. На желтовато-мелованном листе бумаги было выведено аккуратной мелкой женской вязью:

Любят люди там и тут,

В Вене и в Париже.

*Где-то суку в рот е*ут,*

*Где-то ж*пу лизнут.*

Яша звонко рассмеялась - на конверте были изображены две пары томных женских губ, соприкасающихся в легком поцелуе, и алела надпись: «Дорогой лучшей подруге!»

Триммер 3. Умей стать незаметной.

1.

Фрилансер явился через два часа после ухода Урины Владимировны. Он был слегка пришиблен, но не побежден. «Последним из ворот замка вышел Петух, изрядно ощипанный, но непобежденный», - вспомнила Яша фрагмент из мультфильма «Бременские музыканты». Вместе с Фрилан-

сером имели место быть походный чемоданчик из разряда «ручная кладь», сьюткейс, содержащий два рабочих костюма, и обширный кулек с продовольственными товарами из элитного продуктового магазина.

Фрилансер был переполнен праведным (или не вполне праведным) гневом. Он много говорил, выдул бутылку французского коньяку. Наутро ему было плохо, он перенес все деловые встречи на следующую неделю, и Яша, конечно же, осталась с ним, подавая пиво, накрывая на стол из кулька, поддерживая беседу на заданную еще со вчерашнего вечера тему. Яша не могла нарушить и не должна была нарушать вторую заповедь из «Кодекса Боевой Подруги»: «Будь рядом».

Началась жизнь почти семейная – утренние совместные завтраки, вечерние совместные ужины, теплая постель. Но в душу Яши откуда-то издалека начало прокрадываться смутное беспокойство. Не то чтобы она не хотела обзавестись мужем или была не готова к этому, нет. Ее смущало другое.

Когда смотришь на актера из зрительного зала, видишь его «в образе», то впечатление производит именно этот образ, наполненный актерской игрой, исполнительским мастерством. А если после спектакля зайти за кулисы, заглянуть в гримерку и бросить взгляд – один только близкий взгляд – на кумира, то увидишь, как течет тональный крем, как расплывается образ, как аляповато выглядит такая органичная на сцене красная помада, как широко дышат испор-

ченные гримом поры. Это нормально, так и должно быть. Но к этому нужно быть готовой. Яша готова не была.

Фрилансер вполне соответствовал тому представлению о «хорошем» мужчине, которое сложилось у Яши со времен Ильдара. Фрилансер был успешен, красноречив, щедр, весел и, в какой-то мере, даже заботлив. Но вот прошла неделя «семейной» жизни, и грим потек, и образ начал расплываться. Яше горячо захотелось вернуть своего нынешнего спутника на сцену.

Ничего, собственно, не изменилось. Мужчина не утратил своих позитивных качеств, наоборот, стал проявлять их в большей мере, чувствуя свою зависимость от женщины, к которой перебрался жить. Разве можно было сравнить Фрилансера с Ильдаром или Звездой? Ни упреков, ни пьянок, ни оргий. Ни собственнического отношения, ни пренебрежительного позволения быть частью свиты.

Яша с огромным удовольствием продолжала бы исполнять роль Фрилансеровой боевой подруги, но... не жены. Весь положительный арсенал мужских качеств оказался при ближайшем рассмотрении как бы гримом, утратил естественность. Это обстоятельство Яша и сама бы себе не смогла объяснить, но настоящим Фрилансер был там, в семье Урины Владимировны, «на сцене», а не здесь, в теплой кровати Яшиной квартиры. И если в формате «боевого» общения Яша не задумывалась о тщете и бренности отношений с Фрилансером, то сейчас больше почувствовала, чем поняла:

отношения близятся к развязке.

К развязке, которая наступила через две недели «семейной» жизни. Фрилансер тихо исчез вместе с «ручной кладью» и сюткойсом на два рабочих костюма. Позвонил вечером, говорил отрывками, перебежками – извинялся, что не предупредил, пообещал, как Д'Артаньян-Боярский, что «мы встретимся, обязательно встретимся», после чего пропал окончательно. Что именно произошло там, на правом берегу, Яша не знала, да особо и не задумывалась: то ли Фрилансер обрел некую новую житейскую мудрость, то ли его там, на правом берегу, крепче взяли за то, за что держали до этого, – сие Яше было не ведомо и ведать было не интересно. Фрилансер ушел из Яшиной жизни.

2.

Теперь, когда время совместных трапез с Фрилансером осталось в прошлом, Яша стала искать варианты. Готовить дома для себя одной казалось нелепым кощунством. Пробовала перекусывать обедами, приносимыми в салон тетей Маней. Просто, вкусно, но быстро утомил незатейливый треп персонала о мужьях, детях, любовниках, клиентах и сопливых телепередачах. Яша и сама-то не имела высшего образования, но читала в детстве неимоверно много – в общении за едой, как и в любом другом общении, хотелось хоть чуть-чуть расширять горизонты, а не заковывать живую мысль и живое чувство в кандалы беспощадного быта. Яша почувствовала, что неудержимо мельчает, и прекратила совмест-

ные обеды с персоналом.

Рядом с салоном, в каких-то двухстах-трехстах метрах, в парке, что неподалеку, располагалось недорогое, но вполне респектабельное заведение, где подавали бизнес-ланчи. Ресторан был не бюджетным, но при этом безболезненно вписывался в Яшину месячную смету растрат. Уже через неделю Яшу стали узнавать официанты, а через месяц администратор ресторана вручила Яше дисконтную карточку постоянного клиента со скромной, минимальной, но приятной скидкой.

Яша, как правило, садилась за один и тот же столик - у окна с видом на парк - и наблюдала за суетой голубей, детей, за неспешным покуриванием праздных мамочек, за солнцем и облаками, - другими словами, следила за течением жизни в парке за окном. Ей на тот момент было всего двадцать, до Стефаноса оставалось целых четыре года, жизнь самой Яши лишь разминала крылья, перед тем, как их расправить в полный размах.

Красивая и ухоженная, с умными глазами и естественно-тонкими манерами, Яша всегда привлекала взоры мужчин всех возрастов и всех социальных статусов. Она уже привыкла к стороннему вниманию, но без зазнайства, без кричащей позы «Я красавица!», без искусственной подачи себя для заинтересованной мужской аудитории. Яша была собой, не стараясь быть собой.

Одинокая девушка за столиком – это даже не повод, это

причина беспокойства одиноких или парами-тройками сидящих за другими столиками «бизнесменов». Расстегнутые вороты рубаш, дорогие парфюмы, брендовые часы и новейшие телефоны, уверенные «проницательные» взгляды, демонстрирующие «волчью» хватку и неукротимый деловой напор, - какую представительницу слабого пола может оставить равнодушной такой «комплект победителя»? Никакую. Кроме Яши.

Яша оставалась безучастной к улыбкам, взглядам, иногда и прямым предложениям дружбы и любви, поступавшим ежедневно в часы бизнес-ланча. Иногда вежливо улыбалась в ответ, иногда бросала несколько тихих слов ни о чем, но никогда не давала повода или того, что можно было принять за обнадеживающий повод. В жизни Яши наступил период отдыха и несознательного анализа того, что уже было в ее судьбе. Яша была самодостаточна в самом что ни на есть прямом значении: ей сейчас никто не был нужен, кроме нее самой. Слишком много на данном этапе было ее самой – кавардак в жилом помещении необходимо было разгрести, хлам выкинуть, а нужные вещи разложить в соответствии с «ранжиrom» по полкам и кладовым.

3.

Грузный мужчина в возрасте ввалился в парковую трапезную приблизительно за час до полудня. С видимым усилием избавился от плаща, протянул его подоспевшей официантке и осел за столиком, соседствующим с тем, за которым устро-

илась Яша.

Сотрудники ресторана улыбались приветливо и уважительно: посетитель был им хорошо знаком. Мужчина был нетрезв или же мучился жестоким похмельем. Скорее, второе – он попросил принести пиво как можно быстрее и жадно набросился на пенный бокал, буквально через три минуты попросив повторить. И только на половине второго бокала сбавил темп, вздохнул свободнее и застыл в ожидании салата, зацепившись мутным взглядом за сосны за окном.

Посетитель не смотрел на Яшу – она его не интересовала. Его вообще ничего не интересовало вокруг, кроме пива в бокале. Очевидно, пиво не только поправило здоровье, но и взнуздало нестройный табун мыслей, галопировавший в его разуме. На третьем бокале муть покинула взгляд, посетитель достал тертый блокнот и стальную ручку. Некоторое время он что-то медленно писал дрожащей рукой – ручка капризничала, не желала следовать воле хозяина, он шевелил губами и упрямо направлял перо в нужную колею. Наконец, удовлетворенно вздохнув, посетитель аккуратно закрыл блокнот и взглянул на Яшу – взглянул удивительно ясными, хоть и заплывшими от чрезмерного количества алкоголя в крови глазами.

- Хороший день сегодня, - сказал посетитель. Сказал, может, только Яше, может, самому себе, а может, всем, находящимся в ресторане.

Неожиданно для себя самой Яша кивнула.

Когда кто-либо обращался к ней в ресторане, Яша лишь произносила несколько слов в ответ, стараясь свести к минимуму использование невербальных средств общения. Она понимала, что любой мимический ответ, любой жест, любое интонирование могут быть восприняты как посыл для продолжения разговора. А тут, не задумываясь, без всякого внутреннего напряжения, вдруг кивнула – амплитудно, даже с некоей внутренней радостью, которая отразилась на лице широкой улыбкой.

Яша не ощутила угрозы – угрозы, что у собеседника могут быть какие-либо планы на развитие. Не подразумевалось никакого развития: грузный, только что похмелившийся мужчина просто констатировал, что сегодня хороший день. Яша и сама считала, что день сегодня замечательный, и эти простые слова пали на благодатную почву. Ей даже захотелось продолжить разговор, она уже подготовила что-то не менее простое, что-то вроде «Солнечно!» или «Ясно!», но посетитель уже снова ушел в себя, взор его вновь подернулся паволокой, мысли снова пустились в карьер. Он влил в себя остатки пива, поискал и нашел ту же сосну за окном и попросил «еще раз», не отрывая глаз от хвойного объекта. Потом вновь приступ вдохновения, блокнот, ручка, ясный взгляд, улыбка – и снова протрация, муť в глазах, сосна за окном.

Трижды повторялись такие волны действий и настроений. Яша перестала уже считать бокалы пива (а она их, к собственному удивлению, зачем-то старалась вначале считать).

Наконец посетитель попросил расчет и плащ. Долго не мог попасть в рукава руками, пока официантка держала плащ за его спиной, и засветился искренней радостью, все же завершив процесс облачения.

Яша и сама готовилась уйти. Они встретились в дверях, случайно, без просчитанных намерений.

- Вас подвезти? – спросил мужчина, открывая дверь и пропуская даму вперед. – Я за рулем.

- Вы – за рулем? – удивленно улыбнулась Яша.

Новый знакомый на секунду задумался, а потом тоже расплылся в улыбке.

- Ах, Вы про это? – мужчина погладил себя по горлу тыльной стороной ладони. – Конечно-конечно, какой же руль? Кто ж в таком виде – да за руль? Это я так, образно. Мне не нравится выражение «я на колесах». Уж лучше «за рулем». Такси. Обычное такси. Оно меня ждет. Вернее, он – водитель. Водитель и его такси. – При этих словах Яша почему-то вспомнила книгу «Конь и его мальчик» Клайва Стейнплаза Льюиса, из «Хроник Нарнии».

- Понятно, - Яша пожала плечиками. Разговор продолжался уже на улице, где действительно стояла машина с маячком такси. Почему-то Яша больше не хотела бежать на работу – вместе с терпким запахом перегара от незнакомца веяло тонким ароматом нового приключения. Но ответила буднично, серо:

- Мне тут недалеко, я пешком.

- Как хотите, - не стал настаивать мужчина. – Поеду к морю сам. Хочу прогуляться по набережной. День радует, не упускать же его солнечные объятия. Думал, Вам в ту же сторону.

- К морю? - переспросила Яша.

- К морю, - подтвердил мужчина.

- А давайте, - рискнула Яша и потом никогда в жизни не жалела об этом.

4.

- Если хотите, после прогулки водитель доставит Вас туда, куда скажете, - любезно предложил мужчина, подавая руку Яше и помогая ей покинуть салон автомобиля.

- Нет, не стоит, - отказалась Яша. – Сама справлюсь.

- Как сочтете нужным, - не стал настаивать новый Яшин знакомый. – Тогда мы поблагодарим нашего друга.

Он, согнувшись, перекинулся с водителем несколькими словами, отсчитал три-четыре разноцветные купюры из внушительной пачки и захлопнул дверцу автомобиля. Такси благодарно рыкнуло мотором и укатило прочь, оставив на парковке у набережной Яшу и мужчину в распахнутом плаще.

Они побрели вдоль берега. Яше было тепло и спокойно, как будто идущий рядом малознакомый человек был ей близок уже долгие годы, хотя они лишь успели представиться друг другу в машине пять минут назад. Мужчина шел чуть в отдалении, даже не пытаясь предложить Яше руку. Да и

не смог бы он при всем желании: левой рукой мужчина безуспешно пытался запахнуть разбегающиеся на ветру полы плаща, а в правой сжимал небольшую флягу, из которой периодически делал маленькие, «интеллигентные» глотки.

- Чем занимаетесь? – спросила Яша только для того, чтобы к шуму морских волн добавить звук человеческой речи.

- Я писатель, - небрежно бросил мужчина и вновь приложился к фляге.

- Писатель? – Яша даже приостановилась на секунду: она была настолько преданным, добросовестным читателем, что представители писательского племени всегда казались ей далекими сказочными небожителями. – Вы шутите?

- Отнюдь, - серьезно сказал мужчина не Яше, а морю. – Кто ж с этим шутит? Такие шутки могут скрутить карму в морской узел – и не распутаешь потом во всех послесмертиях. Писатель – это ноша, которую сам себе не выбираешь. Отказаться – можно, а взялся – пиши.

И не было в словах Писателя ни кокетства, ни позерства – качеств, свойственных любой профессии. Писатель по-прежнему был наедине с собой, хоть Яша и была рядом – в полуметре. Он говорил, и Яша чувствовала себя как бы продолжением его мысли. Она разделила его одиночество, приняла это состояние и продолжила его в себе.

- Застегнуть Вам плащ? – заботливо спросила Яша, и Писатель покорно остановился, принимая женскую заботу.

Набережная петляла вдоль берега, со склонов на прогу-

ливающуюся пару смотрели все новые и новые районы города, престижные и респектабельные, – все же у моря, – но уже малознакомые Яше. И вот, наконец, какие-то дебри, где Яша не была никогда, хотя родилась и выросла в этом городе. Частные дома, узкие улочки – двум авто не разъехаться, плющ на стенах... Степенная глушь.

- Куда мы забрели? – Яша оглядывалась с интересом и неким благоговением: вот они – преддверия сказочных, таинственных, удивительных стран и событий. – Не была тут никогда. Где мы?

- Я – у себя дома, - пояснил Писатель, - а Вы – у меня в гостях. Если, конечно, есть такое желание.

- Есть, - как-то совершенно органично согласилась Яша.

5.

Писатель жил в двухэтажном домике на четвертой от моря линии строений. В доме царила вечная полутьма – хозяин дома не любил яркого света и то ли сам выкрутил лишние лампы, то ли просто не удосуживался производить замену сгоревшим.

Хозяйка у дома тоже была. Сейчас она по годовому контракту читала лекции в одном из университетов то ли плюща, то ли красного кирпича – Яша не удерживала эту информацию в памяти. Собственно, Писатель тоже должен был читать сейчас где-нибудь лекции, но в какой-то момент научная деятельность его отпустила, он вышел на пенсию по выслуге, засел в доме, начал пить и писать.

После нескольких электронных публикаций был замечен, частично признан и получил договор на бумажное издание. Но творчество все же оставалось больше увлечением, чем работой. Основу финансовой независимости Писателя по-прежнему составляли дистанционные, без выезда, научные консультации и публикации статей в аналитических журналах. Оказывается, такие источники дохода, при наличии громкого имени в научной среде (а оно у Писателя имелось), позволяли жить вполне безбедно и иметь еще некоторый излишек на маленькие мужские шалости типа алкоголя и очаровательных собеседниц.

Правда, нужно отдать Писателю должное: как только Яша вошла в его дом и в его жизнь, шалость осталась только одна – алкоголь. Но разве можно было приставлять «зло» к процессу «употребления» в этом случае? Алкоголь в жизни Писателя был напитком ритуальным – сомой, сикейрой, хаомой, амритой или амброзией. Служение богу Дионису не было пагубной привычкой, а являлось как бы одним из видов медитативного деяния. Это служение составляло основу творчества Писателя, каковое, в свою очередь, составляло основу его жизни.

Конечно же, бывали периоды относительной трезвости, когда Писатель окончательно, «до нуля» разменивал здоровье, не мог подняться с постели и был в силах лишь слабо просить Яшу принести, чтобы не умереть в одночасье, новую порцию яда из обширных запасов.

Яша приносила, потом вызывала врачей, они ставили капельницы и неделю-другую Писатель перебивался всего лишь несколькими бокалами пива в день. В эти недели Писатель при помощи Яши правил ошибки в уже написанных частях произведений, устранял неточности, систематизировал замыслы. А после вновь начинал опасный, не каждому доступный ритуал служения и – писал, писал, писал до нового износа, до нового периода трезвости.

6.

Незаметно для самой себя Яша вошла в писательскую жизнь яркой полосой теплого света. Она приходила в гости ежевечерне, а потом и вовсе перебралась жить в двухэтажный домик в «степенной глуши». Ни он, ни она не избавились таким образом от одиночества. Они просто разделили, продолжили одиночество друг друга, что сделало это состояние насыщенным, плодотворным, приносящим радость в сердца и гармонию в души.

Яша помогала утихомиривать кричащие, вопящие, стонущие мысли Писателя, выстраивать их в послушные ряды и отправлять на ждущую бумагу – Писатель всегда распечатывал главы новых произведений для вычитки и правки. Яша теперь могла с удовольствием готовить для двоих – отпала необходимость блуждать по ресторанам.

Они часто болтали за ужинами – громко, эмоционально, иногда даже спорили. Периодически Писатель кричал «Запиши! Немедленно запиши!» и тыкал ножом или вилкой в

один из своих летучих блокнотов. Яша с энтузиазмом записывала и впоследствии всегда могла назвать блокнот и страницу нужной записи. Она стала, по выражению Писателя, «Царицей летучих блокнотов». Кроме этого звания, Яша носила еще много других: «Царица голосового набора», «Царица цитатных выписок» и даже «Царица диалогов». Кроме того, было много почетных регалий, связанных с бытовыми важными мелочами: уборкой, стиркой, глажкой, сексом, готовкой.

Яша ходила в магазины сама и на базар вместе с Писателем. Он любил с бутылкой пива или с неразлучной фляжкой следовать меж мясными, рыбными, овощными рядами и скупать понравившийся товар, не торгуясь. А вот стоять у касс в супермаркетах он терпеть не мог.

В доме Яша навела порядок в шкафах с посудой и постельным бельем, в гардеробных и прихожей. Но главное – на рабочем столе, в кабинете и в библиотеке. Яша свершила подвиг, вызвав бурный восторг хозяина: она составила каталог книг и расставила их по сериям, годам, авторам. В общем, систематизировала и классифицировала обильный библиотечный арсенал Писателя.

Для себя же Яша вывела третью тонкую заповедь боевой подруги: «Умей стать незаметной». И в те часы, когда Писатель вел за руку своих героев «от пролога к эпилогу», Яша тихим ангелом растворялась в доме, будучи всегда готова помочь, записать, распечатать, вычитать... Другими слова-

ми, всегда была готова материализоваться вновь, вернуться в область человеческих перцепций, обозначить свое присутствие, став осязаемой. Она и сама себя чувствовала одной из героинь писателя, вверив ему свою судьбу, будучи готова принять нежданную удачу или стерпеть нечаянную обиду, выстоять в житейской передраге или окунуться в необычайное чудо.

Триммер 4. Пей.

1.

Яша никогда не питала слабости к горячительным напиткам, была равнодушна к тому эффекту, что оказывает на разум алкоголь. Она и Писатель могли часами сидеть в уютной и достаточно просторной для столика с закусками и двух стульев лоджии, проводя время за тем, что Писатель называл «разговором в три бутылки вина». При этом бокал-другой приходился на Яшу, все остальное становилось достоянием ее собеседника.

Если бы не ученая степень, не огромный кладезь знаний, не глубочайший жизненный опыт и уже готовая, сформированная, целостная картина мира, то бог Дионис, нет сомнений, сгубил бы Писателя, отправил бы его в темные непролазные дебри энцефалопатийной деградации. Но нейроны в головном мозге Писателя были натренировано-приткими: сколько бы он ни выпил, его мысль была относительно ясной, речь четкой, слова были подобраны к месту.

Писатель ценил Яшу за светлый разум, она умела несколькими словами смыть с новых, в угаре задуманных сюжетных ходов патину «творческого градуса», умела «протирать трезвостью» лирические или философские отступления, доводя их до блестящего совершенства. Но ни один из таких глубоких, таких чувственных, таких плодотворных диалогов не смог бы состояться, если бы на столе стоял только один бокал.

«Причащение от Дионисовой лозы» превратилось в настоящий ритуал. Ближе к вечеру, когда Яша возвращалась с работы, или уже в обед, если Яша оставляла салон на администратора, писатель торжественно выносил бутылку того вина, которое с этого момента становилось «вином дня». Это значило, что «по амбарам» уже таится еще штук пять-шесть бутылок с такой же этикеткой.

Вне зависимости от того, сколько пива и коньяку уже было принято с минуты пробуждения до этой самой, торжественной, минуты, первый бокал вина был действительно первым. Скрип и хлопок пробки, извлекаемой из узкого горлышка посредством штопора, плеск напитка в стенах широких бокалов, терпкий запах виноградного спирта в процессе декантации – все это в совокупности представляло собой священное служение, плодами которого становились новые темы бесед и новые строки произведений.

2.

Писатель совершенно отчетливо понимал свою зависи-

мость, не скрывал и не стыдился ее. Тяготился? В какой-то мере – да, но лишь временами, в периоды «обнуления» здоровья. По поводу своей зависимости он часто напевал песенку про зеленого змия из кинофильма "Жили три холостяка":

Пить ученым просто стыдно.

Мы бросали – и не раз!

Мы, конечно, против пьянства,

Но и пьянство против нас.

Напевал, но при этом шуточно лукавил: не был он против пьянства, бросать не собирался, недостаток этот свой любил настолько, что любовью этой превращал недостаток в исключительное достоинство. А поскольку любой писатель – маг и чародей, поскольку призвание любого писателя и его великий дар – формировать действительность не только на страницах произведений, но и вокруг себя, то не только в Яшинных глазах, но и в восприятии других людей, с которыми им вместе приходилось пересекаться – продавцов, официантов, водителей такси – нетрезвость Писателя выглядела милой, органичной, естественной, а перегар играл роль пикантного парфюма.

Частые общения с врачами-«запойщиками» сделали Писателя пользователем подкованным, почти знатоком: он мог подробно описать все химические процессы, протекающие в организме при отравлении алкоголем, мог разложить по системам и органам тот вред, который наносят организму спиртосодержащие вещества. Но даже мысли не допускал, что ко-

гда-либо расстанется с Бахусовым алтарем.

- Без пива, - любил повторять Писатель, таким образом оправдывая собственную корпулентность - лицо, конечно же, выглядит тоньше, интеллигентнее, но при этом в чертах трезвого лица таиться грусть. А с пивом – пусть и толще, но веселее.

Писатель вообще любил повторять – фразы, афоризмы, цитаты, истории. Так был устроен процесс его мышления. Жизненный опыт извлекал нужный фрагмент с нужной полки памяти в нужный момент. Многое Яша знала уже наизусть. Писатель смущался и тут же замолкал, когда понимал, что повторяется, поэтому Яша старалась никоим образом не выказывать виду, что слышала эту историю уже не менее дюжины раз. «*Repetitio est mater studiorum*», - отшучивался Писатель и менял тему разговора.

3.

Когда за столиком на лоджии или за большим обеденным столом в столовой Писатель видел Яшу без бокала в руке, он терял к беседе всякий интерес. И Яша прекрасно понимала, почему. Несколько раз ей доводилось участвовать в творческих беседах абсолютно трезвой: в салоне происходили некие знаковые вечерние мероприятия – презентации, мастер-классы, рекламные съемки или модельные показы, а потому необходимо было сохранять трезвость мысли и ясность сознания. По долгу службы.

И в эти дни два собеседника – Писатель и Яша – не могли войти в резонанс, настроиться на общую волну. Вроде бы, говорили так же и теми же словами, но не слышали друг друга, были как бы в разных параллельных мирах. Темп речи, интонации, темы, интерес к тому или иному предмету разговора – все шло в разлад, все не совпадало, все не клеилось.

Писатель мгновенно грустнел и уходил в кабинет – работать. А Яша растворялась в пространстве дома, следуя третьей заповеди из «Кодекса Боевой Подруги»: «Умей стать незаметной». После чего скрывалась на запланированные мероприятия, от греха подальше. Но уходила с одной исключительно целью – чтобы вернуться, взять бокал и снова быть рядом, дабы не нарушать заповедь вторую.

Заповедь первая, «Не ревнуй!», рядом с Писателем оставалась практически без применения. Разве что эпизодичный флирт с официантками да пристальное внимание к редким красивым женщинам на пустынных до лета песчаных пляжах. Но таковые флирт и внимание не были действиями, направленными на знакомство, не имели цели завладеть, заполучить, обрести во владение. Скорее, это был взгляд социального анатома, а еще вернее – взгляд энтомолога, пополняющего коллекцию бабочек для ближайшей выставки. Таков уж писательский жребий – бросать образы, разговоры, впечатления в одну копилку, чтобы потом использовать их мазками нового замысла.

Как-то Писатель целый вечер посвятил Булату Окуджаве – в доме звучали песни-стихотворения, в самые неожиданные моменты Писатель делал паузы и на подъеме, с придыханием пускался в длинные лирико-философские отступления. Он актуализировал те или иные предложения, требовал обратить внимание на тот или иной образ, просил обязательно запомнить то или иное четверостишие. Яша запомнила два катрена, которые, на ее взгляд, весьма точно отображали суть писательского действия:

*Были дали голубы, было вымысла в избытке,
И из собственной судьбы я выдёргивал по нитке.
В путь героя снаряжал, наводил о прошлом справки
И поручиком в отставке сам себя воображал.*

*Вымысел не есть обман, замысел - ещё не точка.
Дайте ж дописать роман до последнего листочка.
И пока ещё жива роза красная в бутылке,
Дайте выкрикнуть слова, что давно лежат в копилке.*

Запомнила именно эти два четверостишия, при том, что Писатель настаивал на внесение в реестры Яшиной памяти припева этой песни:

*Каждый пишет, что он слышит,
Каждый слышит, как он дышит.
Как он дышит, так и пишет,
Не стараясь угодить.
Так природа захотела.*

*Почему - не наше дело,
Для чего, не нам судить.*

Конечно же, Яша запомнила и припев. Она вообще за время общения с Писателем весьма расширила горизонты мировосприятия. Ей казалось, что она, как минимум, закончила несколько курсов института околосвяческих наук.

Выбор песен и исполнителей для тематических вечеров Писатель совершал спонтанно, эклектично, руководствуясь некими глубинными капризами и настроениями. Разбег по стилю, тематике, лексике, музыкальным направлениям и временным периодам был воистину неохватен и необъясним.

В доме не значилось мощной аудиосистемы, дорогих сабвуферов или высокочастотных эквалайзеров. Писатель не был меломаном, он был «словоманом». Наряду с Окуджавой, вечерами из колонок, присоединенных к компьютеру не самой новой модификации, звучали в кабинете Писателя песни Владимира Высоцкого и Аркадия Северного, Константина Никольского и Федора Шаляпина, Ильи Кормильцева и Леонида Утесова, Юрия Лозы и Гарика Сукачева, Павла Кашина и Виктора Цоя, Армена Григоряна и супругов Никитиных, Олега Митяева и Бориса Гребенщикова, Юрия Визбора и Константина Кинчева, Михаила Щербакова и Чиж... Да мало ли?

Иногда столовая превращалась в кинозал, и тогда небольшой плоский экран настенного телевизора предлагал двум

благодарным зрителям немые ленты Чаплина и Эйзенштейна, мультфильмы Миядзаки и черно-белые шедевры Куро-савы, шаловливые фильмы Тинто Брасса и добрые комедии советской поры. И всегда – последующее обсуждение, когда неспешное, когда бурное и задорное. И всегда – десятки записей в летучих блокнотах. И всегда – вино, целое море вина.

5.

Яша даже поверить не могла, что один человек способен поглощать такое количество спиртных напитков – ежедневно, практически безостановочно. Яше даже казалось, что с ее появлением Писатель стал пить значительно больше. Но собеседник успокаивал ее другим куплетом из той же песенки про зеленого змия:

*Для распития напитков,
Убивающих талант,
Двум ученым аспирантам
Нужен третий аспирант.*

- Один доктор наук вполне стоит двух ученых аспирантов, - любил шутить Писатель (как всегда, повторяясь, и Яша, как обычно, делала вид, что слышит шутку впервые). – А ты как бы третий. Мне так тебя не хватало, милый мой ученый аспирант. А теперь все стало на свои места.

- Я совсем не ученый, - улыбочиво-горестно вздыхала Яша. – Никаких дипломов.

Однажды Писатель после таких слов схватил чистый лист бумаги, нацарапал плохо пишущей ручкой шапку из шести корявых букв: «ДИПЛОМ», а внизу листа поставил размашистую подпись, перечислив все свои многочисленные регалии.

- Держи, - нетрезво сказал Писатель Яше. – Впиши сюда, что душе угодно. Ты уже три месяца провела в ежедневном общении со мной. Это что-то да значит?

- Значит, - согласилась Яша, благодарно принимая бумагу с каракулями. – Это очень многое значит.

Она сохранила этот «Диплом», но так никогда ничего туда и не вписала. Хотела, но не вписала. Так и не смогла определиться, какая именно область знаний достойна столь ценного дара – быть запечатленной меж словом «диплом» и подписью самого уважаемого Яшей человека на Земле. Без лести и преувеличений.

Яша действительно ценила каждое мгновение, проведенное за одним столом, на одной лоджии, в одной постели с этим человеком. И пусть иногда Яше казалось, что Писатель смотрит на нее сквозь размытую призму, что он видит не саму Яшу, а лишь некий обобщенный образ – образ, совмещающий лики секретаря, собеседницы, любовницы, домработницы. Лики всех прожитых, всех изображенных Писателем в романах женщин. И пусть.

Писатель стал непререкаемо значим для Яши, значимы вечерние беседы, молчаливые, не под руку, прогулки у моря

и даже этот нелепый лист бумаги с надписью «Диплом». И уж, конечно, трудно было переоценить хрустальное касание винных бокалов в очередном тосте на двоих.

6.

Бокалов всегда было два. Заповедь «Пей» уже была основательно занесена Яшей в «Кодекс Боевой Подруги». Именно эта роль, суверенно выбранная Яшей для себя, это звание боевой подруги дарили гармонию в таких новых, в таких необычных, практически «односторонних» отношениях. Никакого дискомфорта не ощущала Яша от того, что Писатель всегда, даже при самом интимном общении, находился как бы на расстоянии полуметра. С такого, полуметрового, расстояния Яша и Писатель начали знакомство на первой прогулке по набережной, таким это расстояние оставалось и сейчас.

Яша была в чужой судьбе в той мере, в какой это было необходимо для хозяина этой чужой судьбы. Она была гостьей, не хозяйкой. Но Яша не считала, кто сколько давал, кто сколько брал, не пыталась выровнять весы взаимопользных даров. Знаменательно, что привычка проводить вечерний час за бокалом вина осталась у Яши на долгие-долгие годы. И это стоило всего, что было отдано.

Однажды, сугубо из спортивного интереса, Яша попыталась пить наравне со своим собеседником. Первое время Писатель забавлялся, глядя на сморщенный Яшин носик, на мутнеющие глаза, весело слушал хитрозаплетения ее сбива-

ющей речи. Потом посерьезнел, но останавливать девушку не стал.

В какой-то момент довольно жестко предложил Яше отправляться спать, сославшись на то, что ему нужно немного поработать. Яша включила на автопилоте заповедь номер три, постаралась стать незаметной, но вышло у нее чуть хуже, чем никак. Она с грохотом прокатилась по лестнице, хотя до спасительной спальни на втором этаже оставалось всего несколько ступенек. К счастью, ничего не сломала и при поддержке своего мужчины водрузилась на постель, но как только голова коснулась подушки, прилетел волшебник в голубом вертолете и показал такое кино, что Яше пришлось ползком, на четвереньках, отвергая взмахами нетвердых рук помощь «собутельника», переместиться в уборную. Длинные волосы мешали излить недавно выпитое в биде (до унитаза оставался какой-то метр, но не хватило сил). Руки тряслись, организм решил извернуться наизнанку...

Утром было плохо, ужасно плохо. Писатель заботливо принес пиво, но его Яша тоже немедленно вернула прямо на пол у постели. Писатель вздохнул и набрал номер врачей. Отошла и частично восстановила силы Яша только на третий день, за что Писатель некоторое время ласково называл ее «мой глупенький Лазарь».

7.

Пришлось вносить коррективы в четвертую заповедь. Яша так и не смогла сформулировать четко текст этого вы-

нужденного, всем телом выстрадавшего аддендума (нахвата-лась терминов в период общения с Фрилансером). Выходило что-то вроде: «Пей с ним, но в комфортных для себя объемах» или «Пей с ним, но не так, как он». Все время крутилась в памяти немецкая песенка из детской телепередачи «Mach mit, Mach's nach, Mach's besser», что в переводе означало «Делай с нами, делай, как мы, делай лучше нас». Так вот, применительно к четвертой заповеди этот веселый призыв не работал.

Такая перезагрузка показала Яше, как, собственно, мало еще она знает и понимает в мужчинах и в себе. Яша вновь начала упорные тренировки, стремясь отточить четвертое правило «Кодекса» - «Пей». Тщательно вымеряла комфортные порции, темп потребления, время принятия напитка, подбирала оптимальный терруар, сорт, градус, производителя и прочие характеристики вкушаемых напитков. Спустя месяц Яша могла с гордостью сказать, что познала, наконец, меру и теперь способна этой меры придерживаться.

Яша полюбила простые человеческие радости. Вино позволяло, по выражению Писателя, «медленно смотреть на мир». Ничего не было краше, чем выйти вдвоем на лоджию в преддверье лунной ночи и, водрузив на столик початую бутылку красного полусухого вина, долго молчать в высокое небо, слушая песни звезд, ощущая запах птичьих крыльев и близкой морской волны. Или прикрыть окна в дождливый вечер, потягивать крепленую мадеру, слушать барабанную

доброе, вдыхать потоки свежей влаги и ловить мурашками кожи редкие залетающие в оконные притворы капли.

Яша всей душой прикипела к этой лоджии, к этому дому, к этим разговорам ни о чем и обо всем, к проникновенным вечерам на двоих, к «беседам в три бутылки вина». Степенная приморская глушь стала для Яши сказочным миром, в котором взор чист, небо бесконечно и конца-края не видно новым впечатлениям, знаниям, ощущениям, горизонтам. «Пей, - говорила себе Яша, - пей все это, пока есть такая счастливая возможность».

8.

- Сегодня звонила жена, - как-то сказал Писатель, откупоривая на лоджии «вино дня» и разливая его по бокалам.

Яша только вернулась из салона, еще не настроила мысли, еще не успела «медленно посмотреть на мир». Она не сразу все поняла, а когда поняла, - улыбнулась.

- Хорошо, - сказала она, окуная носик в терпкий аромат бордо.

- Жена прилетает завтра, - сказал Писатель.

- Хорошо, - вновь улыбнулась Яша.

- Наверное, я стану меньше пить, - усмехнулся Писатель, опрокидывая благородный напиток залпом и вновь наполняя свой бокал.

- Это хорошо, - согласилась Яша.

- Не был бы так уверен, - покачал головой Писатель.

Помолчав, он добавил:

- У нас есть сегодняшний вечер и наступающая ночь.
- Хорошо, - кивнула Яша.

Они соприкоснули бокалы в звонком хрустальном поцелуе. Вечер был тихим, ночь была короткой. Утром Яша покинула дом Писателя навсегда.

Триммер 5. Не психуй.

1.

Яша ушла из дома Писателя рано утром, чуть позже пяти часов. Нет, она не проснулась с рассветом, она просто не могла уснуть. Эти несколько часов – с полуночи, когда они легли в постель, до самого момента ухода - Яша не могла насмотреться на человека, который вот только что был для нее чуть ли не самым близким и родным, а теперь близость всякалась с каждой минутой молчаливого созерцания.

Писатель спал и видел сны, которые, вероятно, запишет, как проснется, в летучий блокнот, вот в этот самый затертый блокнот, лежащий на тумбочке в изголовье кровати. Запишет перед тем, как спуститься к холодильнику за пивом; запишет сам, своею рукой, а не так, как привык в последнее время: с помощью «голосового набора», диктуя Яше, одновременно обсуждая с ней и внося правки. Запишет на первой попавшейся странице нетвердыми каракулями, а не аккуратной ровной строкой в специально отведенном месте, в категорию «Сны». Много, много удобных, добрых привычек придется оставить Писателю с этого дня.

Собралась Яша быстро – собирать было нечего. Небольшой походный рюкзак на спину и только – перед салоном Яша всегда заезжала домой: незачем было Писателю становиться свидетелем женского утреннего боевого марафета. Запихала небрежно в рюкзачок пижамку и смену белья – да и вышла на по-раннему свежую и пустынную набережную. Такси решила вызвать потом, в конце прогулки. Не могла сейчас Яша без глотка свежего воздуха.

Шла, ежась, обняв плечи руками, забросив рюкзак за спину – какая-никакая броня, защищающая от почти морозного бриза. Бризу Яша была благодарна: он, пусть и в малой мере, но все же остужал пламя, всю ночь разгоравшееся внутри, а теперь бушевавшее вовсю. Яша вспомнила, что когда-то читала в какой-то дзен-буддистской книге про один медитативный коан: ученику нужно было пнуть воду. Она с угрозой посмотрела на тяжелые зеленые валы внизу, под мощенным красной плиткой тротуаром.

Что, что Яша сделала не так? Она не ревновала женатого мужчину к его жене даже сейчас, потеряв этого мужчину. Она была рядом. В нужные моменты становилась незаметной. Пила вместе с мужчиной, чтобы настроиться на его волну и соответствовать его ожиданиям. Но Писатель даже не намекнул, что они по-прежнему будут вместе, пусть в другом формате, но – вместе...

Какого-то пункта в «Кодексе» еще не хватало. Какого-то важного пункта. Яша будет искать. И найдет. А сейчас ей

нужно пнуть воду. Очень нужно пнуть воду.

2.

Яша почти бегом спустилась с набережной к черте прибоя. Ноги вязли в песке, обувь стала влажной и тяжелой. Здесь, у шипящей волны, ветер перестал остужать – он начал ранить, проникая в дырочки вязаной свободной кофты с не меньшим усердием, чем песчинки проникали сквозь швы и шнуровку кроссовок.

Прицелившись носком кроссовка в ближайший пенный барашек волны, изо всех своих невеликих девичьих сил Яша размашисто лягнула правой ногой выбранную цель. Неуклюже рухнула на ягодицы и в следующую секунду уже сидела на мокром песке. Волна тут же весело выхолодила тонкие джинсы, кружевное белье под ними и основательно занялась обувью.

Было очень мокро и обидно. Нестихавший ветер обещал простуду и цистит. Яша посмотрела поперек волны – в даль морских просторов, на горизонт, туда, где на траверсе застыли могучие танкеры и сухогрузы. Посмотрела так, как учил Писатель – «медленно». Ясным взором боевой подруги.

Теперь она – ронин, самурай без сюзерена. Яша постаралась осмыслить этот факт, или, как говорил мастер мечей Миямото Мусаси, автор «Книги Пяти Колец», «тщательно изучила этот вопрос».

И заревела – горько и тихо, в унисон с шумом прибоя.

Надо было вставать и идти. Вызывать машину, чтобы из-

бежать холодных и мокрых неприятностей. И хоть Яше было стыдно опускаться мокрой попой на сидение автомобиля, но нужно было оборотить излишний стыд – здоровье дороже. Яша – вновь почти бегом – направилась по лестнице вверх, к набережной. Быстро считая ступеньки, она извлекала по дороге мобильный телефон из тесного кармана джинсов.

3.

Два парня глядели на нее сверху вниз. Оба были одеты в кордуровые костюмы с защитой, оба облокотились об изрядно подержанные мотоциклы. Шлемы были сняты и весели на рулях, зацепленные за забрало. Было ребятам лет по двадцать пять. Похоже, что наблюдали они за Яшей довольно давно – оба широко улыбались.

Яша уныло вздохнула и замедлила восхождение по лестнице – так верила, что в полшестого утра она на пляже одна, что никто не стал зрителем ее нелепого падения. Но сегодняшний день был черным, с этим нужно было смириться, этот факт нужно было принять как неминуемую данность.

- Не добежала? – весело спросил Байкер Один, кивая на мокрые джинсы.

- Да уж, - буркнула Яша. – Не добежала. Обмочилась.

Мотоциклисты «заржали» - дружно, но несколько высоко для мужчин, тем более для тертых байкеров. Яша поморщилась – все вокруг ее бесило, все раздражало, с этим нужно что-то делать. Нужно было отвлечься, причем найти радикальное решение. И решение тут же само нашло Яшу.

- Подвезти? – спросил Байкер Два. Он уже успел отсмеяться, в голосе его звучало некоторое участие.

- Буду благодарна, - сказала Яша серьезно, «по-взрослому».

- Падай, - предложил Байкер Два и протянул ей свой шлем. – Куда едем?

- Куда-нибудь, где есть горячий душ и телевизор, - откровенно предложила Яша, принимая средство защиты.

Байкеры переглянулись ошарашенно. Утро обещало стать увлекательным.

- Да нам все равно, - стушевался Байкер Один. Он выглядел чуть постарше, но был менее бойким, чем его товарищ. – Мы по утренним трассам гоняем – машин нет, дорога свободна. Так что...

- В «Элита-Стар»! – перебил Байкер Два. – Гостиница здесь недалеко, минут десять на скорости. Подойдет?

- Подойдет, - кивнула Яша, а потом поставила жирную точку, устраняя всякую двусмысленность:

- Только в аптеку по дороге заверните.

- От простуды? – ляпнул Байкер Один.

- От заразы, - красноречиво глянула на него Яша. – Без обид, на всякий случай. – И надела шлем, завершая разговор.

Моторы, которые по законам жанра должны были взречь, громко затарахтели, резкими взрывами ожили выхлопные трубы. Мотоциклы покатали по пустому утреннему

шоссе в сторону ближайшей круглосуточной аптеки.

4.

«Элита-Стар» не оправдала названия: это была старая, использованная гостиница эконом-класса, основной доход которой составляла почасовая аренда номеров. В любой другой день, при любых других обстоятельствах Яша бы безразлично ретировалась восвояси. Но не сегодня, не сейчас.

Из достоинств «Элита-Стар» нужно было отметить следующие: близость к морю, наличие душа и телевизора, довольно чистые и ароматные, хоть и застиранные простыни и наволочки. Из недостатков бросались в глаза такие: слишком тонкие, слишком звукопроницаемые стены, которым больше подходило наименование «перегородки», маленькая, хоть и заявленная как двуспальная кровать, явный недобор квадратных метров – троим здесь, уж точно, было тесно.

Ребята смущенно переминались в номере, не зная, с чего и как начать, - такой опыт был для них совершенно экзотическим приключением. Байкер Один бесцельно переключал по второму кругу каналы телевизора; Байкер Два рылся в мини-баре, намереваясь растормозить себя и друга алкоголем, пусть это и было категорически запрещено правилами дорожного движения.

Яша решительно проследовала в душевую и долго стояла под горячими струями, выгоняя из тела ледяную хватку волны и бриза, а из души – терпкую тоску по бальзаковским «утраченным иллюзиям». Ей нужно было успокоиться, от-

ступить на заранее подготовленные позиции.

И Яша сделала два шага назад – оживила тот опыт, который был получен в бытность гастролей со Звездой. Что ей каких-то два несмышлёных байкера, которые озадаченно гудят сейчас за стеной туалетной комнаты? Если сменить ракурс восприятия, если вооружиться теми морально-этическими критериями, что были актуальны в околос звездных кругах, то трое в одной постели – это даже не оргия, это так, целомудренный сет для начинающих. Или, как выразился бы сам Звезда, «забава для ванильных целок».

5.

Ребята успели-таки накатить. Они осоловевшими глазами воззрились на Яшу, что обнаженной вышла из душа. Слов у них не было. Да и действий не было тоже, поэтому Яша взяла инициативу в свои руки.

- Насколько я знаю, - важно заметила она, - у мотоциклистов всегда потные задницы и пыльные рожи. Так что в душ. Хотите – по одному, хотите – вместе. Я жду.

Яша откупорила бутылочку виски из мини-бара и прыгнула на кровать. Стакан ей был не нужен – она, как Писатель из неразлучной фляжки, делала из бутылочки маленькие, «интеллигентные» глотки. Ребята разделись – предсказуемо до трусов и носков – и закрылись оба в тесной душевой. Яша пила, ей было тепло, ей было хорошо. Ей было все равно. Медленно, одной свободной рукой, распечатала Яша пачку презервативов и, разорвав ленту на отдельные пакетики, ха-

отично разбросала эти пакетики рядом с собой по простыни.

Сначала из душа осторожно показался Байкер Два – он действительно был посмелее. Байкер Один еще долго крутился в душевой, не решаясь выйти. Он лишь выглядывал и выжидал, пока товарищ сделает первый шаг в нужном направлении. Оба были обмотаны вокруг бедер банными полотенцами.

Яша сорвала полотенце с Байкера Два небрежным движением и с этого момента выключила разум. Лишь стала удобнее – так, чтобы Байкер Один мог легко подключиться, когда в нем проснется боевой дух. Если бы Яша сама писала о себе роман, то поставила бы точку именно после этих слов. Все дальнейшие действия были слишком пошлыми для художественного произведения, но слишком дилетантскими для качественного порно-бестселлера.

6.

Яша не рассказала ребятам, где живет и кем работает. Но номер телефона дала. Незатейливость, простота текущих отношений, благодаря яркому контрасту с отношениями минувшими, - это было попадание в точку, отдохновение, пауза, сугубо физическое отступление – без какой-либо лирики, без ненужных философствований.

Они заезжали за Яшей раза два в неделю. Заезжали в условленное место либо вдвоем, либо по одному (второй мог подоспеть попозже, уже в точку прибытия), везли всегда в одну и ту же гостиницу – «Элита-Стар», теперь уже смело,

без долгих прелюдий и снимающего барьеры алкоголя, трахали с двух сторон – резко, быстро, как кролики, периодически меняясь. Потом молча смотрели телевизор минут двадцать и приступали к Яше вновь – по готовности

Никогда и в мыслях не было у байкеров приехать на свидание с цветами, пригласить в ресторан, даже просто показать девушку по городу на своих подержанных байках – и так много денег тратили они на бензин для стальных коней и на оплату номера в гостинице. Хотя на эти расходы хватило у них ума не предлагать Яше внести свою долю. При том что Байкер Один пару раз о чем-то таком намекал, но всякий раз был мгновенно и беспощадно затыкаем Байкером Два.

Уже со второй встречи байкеры перестали подавать девушке свои шлемы, а подарить ей новый ни один из них не догадался. Но Яше было все равно – она использовала свое тело как щит, чтобы дать возможность расслабиться разуму, остыть чувствам.

Как-то Яша попросила подвезти ее к той самой парковой трапезной, где она впервые встретила Писателя. Нет, никаких таких замыслов Яша давно уже не таила – она распрощалась окончательно и бесповоротно, и байкеры, сами того не зная, оказали ей в этом неоценимую помощь. Просто ресторанчик находился вблизи от работы, что было удобно, и даже вероятность вновь повстречать Писателя уже практически Яшу не беспокоила.

Но в этот раз, ловко и привычно соскочив с мотоцикла,

Яша оказалась лицом к лицу с другим знакомым человеком – с Татьяной. Татьяна проводила с тарактением укатившие прочь байки крайне удивленным взглядом.

- Что это? – Татьяна бесцеремонно и возмущенно ткнула пальцем в сторону дороги.

- Я тоже рада тебя видеть, подруга, - улыбнулась Яша в ответ.

- Какой из них твой? – настаивала Татьяна.

Яша «застенчиво» пожала плечами.

- Понятно – оба. За старое взялась, - удрученно кивнула бывшая подруга и продекламировала:

На пару часиков разврата

Приглашаю вас, ребята.

Яша звонко рассмеялась, а отсмеявшись, согласилась:

- Наверное, ты права – я взялась за старое, но все не совсем так, как кажется. Все сложнее.

- Обедать? – Татьяна указала на ресторан за спиной.

Яша кивнула.

- Значит, мы пойдем обедать вместе, и ты все мне расскажешь.

Яша не стала спорить: ей давно было нужно выговориться, но вот только было некому. Татьяна так Татьяна. Много знает, многое видела, может, что-то даже сумеет понять.

7.

Когда Яша стала частью звездной свиты, Татьяна была уже в этой свите долгожителем. Изначально выбранная пози-

ция с прицелом на замужество делала Таню неуязвимой для звездных капризов: она попросту уходила еще до того, как Звезда собирался высказать ей все, что думает, или втянуть ее в какой-нибудь увлекательный сексуальный эксперимент. Сама Татьяна называла свою тактику мудро выбранной дистанцией и очень гордилась отсутствием ссор и скандалов с потенциальным женихом.

Яша же, которая не строила на Звезду никаких планов, а потому оставалась легко и с удовольствием и могла видеть ситуацию изнутри, равнодушно наблюдала за тем, как «мудрая» Татьяна методично убивает любые, даже самые призрачные, шансы на какое-либо продолжение звездных отношений. Больше года Татьяна целенаправленно старалась показать, какая она хорошая, когда надо было демонстрировать другое качество – нужность. В конце концов, окончательно убедив Звезду в своей полной бесполезности, Татьяна, в слезах и обидах, покинула Звезду и ушла в никуда, оставив певца и музыканта на попечение таких «беспринципных сучек», как Яша.

Теперь же, спустя почти год после тех событий, все обиды были заретушированы временем и новыми впечатлениями, а «сучка» Яша превратилась в старую подругу, явно обиженную судьбой и вынужденную по наивной глупости разменивать свою жизнь на каких-то маловнятных байкеров-юнцов.

Судьба самой Татьяны сложилась крайне удачно: ее заметил, очаровал и наконец окольцевал весьма успешный, со-

стоятельный человек, которого супруга называла с величайшим пиететом – Негоциант. Теперь Татьяна ездила на иномарке, подумывала открыть какой-нибудь бизнес (больше для того, чтобы «подумывать» и говорить об этом, а не чтобы действительно открыть). Жили Татьяна и Негоциант в шикарном лофте на двадцатом этаже башни-новостройки, откуда было видно море и куда залетали вездесущие чайки.

Когда Яша рассказала без утайки все – и про Ильдара, и про Фрилансера, и про Писателя, и про байкеров, и даже про «Кодекс», Татьяна некоторое время молчала, переваривая информацию, а потом изрекла с видом знатока:

- Все я понимаю, даже пьяницу твоего пузатого можно объяснить твоей молодостью и неопытностью. Но эти два велосипедиста с моторчиком, они тебе - зачем?

- Психанула, - честно призналась Яша. – Обидно было до судорог, потом еще в лужу села, вернее - в море. В общем, накатило, и я психанула.

- Ну, успокоила, подруга, - с деланным облегчением вздохнула Татьяна. – А то я уже распереживалась, что у тебя с кем-то из них серьезно.

- Да какое «серьезно»? – искренне развеселилась Яша. – Они же даже имени моего ни разу не спросили. У нас вообще – ни бесед, ни общих интересов. Так, двухчасовые спортивные тренировки по три подхода к каждому снаряду.

- Мельчаешь, подруга, - участливо провозгласила Татьяна, и Яша, к своему удивлению, действительно почувствовала,

что мельчает. Что разменивает драгоценные дары, обретенные в доме Писателя, на мелкую пошлость номера гостиницы «Элита-Стар».

Необходимо было с этим заканчивать, и, как это часто бывает, повод обнаружился незамедлительно – его предоставили сами байкеры.

- А по поводу твоего «Кодекса» мы еще обязательно поговорим, - пригрозила Татьяна, решившая принять Яшу под «мудрое» крыло. – У моего Негоцианта есть неженатые друзья. Надо тебя с ними познакомить. Глядишь, детей будем друг дружке крестить. В общем, жди моего звонка.

И Яша пообещала с нетерпением ждать звонка в предвкушении нарисованных подругой радужных перспектив.

8.

- Там это... - уже четверть часа Байкер Два мялся, не зная, как и с чего начать. «Как в первую встречу в номере», - весело вспомнила Яша. – Знаешь...

- Нет, - честно призналась Яша. – Не знаю. А если не просветишь меня немедленно, то поеду работать – сегодня сложный день.

- А мы думали... - неисправимо мямлил Байкер Два. Он приехал сегодня один – значит, товарищ собирался попозже подтянуться в гостиницу.

- Что вы думали? – нетерпеливо поторопила Яша. Ей действительно нужно было в салон.

- Ну, в общем, мы о тебе ребятам рассказали, - наконец

решился Байкер Два.

- Да ну? – изумилась Яша. Ей стало интересно. – И что ребята?

- Они готовы присоединиться, - выпалил Байкер Два.

- К чему присоединиться? – подзуживала Яша.

- К тебе, - отчеканил Байкер Два. – Готовы тебя... Ну, это... Вместе с нами.

- И много ребят готовы свершить подвиг сей? – заинтересованно спросила Яша.

- Еще человек восемь, - посчитал в уме Байкер Два. – Может, десять. Ну, и нас двое.

- И зачем вам это надо? – тихо спросила Яша с доброй улыбкой. – Вдвоем вы вполне справляетесь. Или так за гостиницу дешевле платить? Мы ж даже не поместимся в номере такой толпой.

- Там есть двухкомнатный люкс, - обрадованно сообщил Байкер Два. Он уже уверился в том, что Яша все же бросит сегодня работу и рванет в «Элита-Стар». Столько вкусных вещей: двухкомнатный люкс, десяток страстных ребят с эрегированными членами. Мечта любой девушки!..

- А у меня спросить не догадались? – Яша сменила добрую улыбку на холодную сталь в голосе.

- Ну, как же? – недоуменно развел руками Байкер Два. – Для тебя старался...

- Значит, твоя идея? – спросила Яша ядовито.

- Ты же любишь, - совсем растерялся Байкер Два. – Тебе

же хотел... Думал, оценишь...

- И скажу «спасибо»? – закончила Яша. – Нет, не хочу. И не скажу «спасибо».

- Ну, мы можем вдвоем, как всегда, - понурился Байкер Два. Яше стало жаль парня. Но пора было развязывать этот кармический узел.

- Нет, - отрезала Яша, сделав вид, что обиделась. – И не звоните мне больше. - Яша повернулась спиной к поникшему собеседнику.

- Ясмин! – неожиданно почти выкрикнул Байкер Два. Яша изумленно обернулась. – Хочешь, я один? Всегда один. Я думал, что ты... Ну, прости, я запутался. Ты такая страстная, думал, нужны еще...

- Откуда ты знаешь это имя? – спросила Яша, не обращая внимания на лепет.

- Слышал в телефонной трубке, - Байкер Два был темнее ночи. – Когда тебе мама звонила. Ты же видишь: я это... В общем, люблю я тебя. У меня такой не было никогда. Будешь женой моей? Я тебе все буду разрешать. Все, что захочешь.

Яша смотрела на несчастного парня с тихой грустью. Как же не разглядела она? Как пропустила? Прошла мимо леса в поисках дерева. Вот тебе урок, Яша: не психуй. Сколько же глупостей наворотила ты, руководствуясь эмоциональным порывом: себя разменяла, парню смутила разум. Эх, Яша...

И в «Кодексе Боевой Подруги» появилась пятая заповедь:

«Не психуй!».

- Нет, - покачала Яша головой. – Не могу. Я замужем. – И закончила ложь во спасение интонациями Писателя:

- И муж прилетает завтра.

«Антикодекс»,

или

«Евангелие от Татьяны».

1.

- Твоя беда, глупышка, в том, что ты без страховки полезла на чужую колокольню, - вечером, спустя неделю, ораторствовала Татьяна на Яшиной кухне. – Все твои безумные заповеди – это же какой-то патриархальный кошмар. Это их забота – выполнять правила. И эти правила мы устанавливаем не для себя – для них.

Яша вновь сидела на подоконнике и весело болтала ногой – той самой, которой некогда пыталась пнуть море. Она пропускала мимо ушей легковесный щебет подруги. Просто приятно было слушать звуки человеческого голоса в такой пустой до сегодняшнего вечера квартире. Кухня ожила, вино обрело аромат и вкус, жизнь перестала течь бестолково и потекла со смыслом.

- Что же ты перед ними стелешься? Что же ты себя ломаешь? – не унималась подруга. – Самое первое правило, которое женщина устанавливает для своего мужчины: «Принимай меня такой, какая я есть». И баста! Можешь записать

красной пастой в свой талмуд. И это железное правило «Принимай!» напрочь отменяет все твои установления.

Яша важно кивнула, показывая, что «намотала на ус», что внесла в анналы, что усвоила и приняла этот наивный стеб из песни Натальи Могилевской за суровое жизненное кредо.

- Что за «Не ревнуй»? – возмущалась Татьяна. – Как это – «Не ревнуй»? Ты же единственная, самая лучшая и неповторимая. Пошел налево – пусть сразу идет на фиг. Не достоин! Отказать! И тебя пусть не оскорбляет подозрениями. Каждый судит в меру своей распущенности. Достает подозрениями – значит, у самого рыло в пуху.

Яша кивнула, соглашаясь и со вторым нелепым откровением. Какая же каша в голове у ее подруги, если она, сама того не замечая, мыслит парадоксами, но каким-то чудом сводит парадоксальность к безумному одномерному примитиву. И наоборот, «множит сущности без необходимости», как сказал бы Оккам, - простые, ясные вещи наделяет качествами неразрешимых парадоксов.

- Что значит «Будь рядом»? – Татьяна сделала то, что Яша для себя считала лишним, - записала пять заповедей «Кодекса» на лист бумаги и теперь тыкала длинным наманикюренным ногтем в каждое из правил по порядку. Яша пропустила заповеди через себя, они стали плодом ее жизненного опыта, не было надобности документально их фиксировать. Но для Татьяны «Кодекс» был словами пустыми, бесполезными; эти слова нужно было материализовать на бумаге, а потом раз-

нести их в пух и прах.

- Что значит «Будь рядом»? – упорно добивалась ответа Татьяна. – Да это они должны ценить каждую минуту, которую мы им дарим. Эх, подруга, все-то у тебя навыворот. То, что ты находишься рядом со своим мужчиной, – великая награда для него!

- Не спорю, - согласилась Яша с пафосным заявлением Татьяны. Тут она действительно не спорила: понимала, что общение двух близких людей – это всегда обоюдные дары, всегда обмен ингредиентами счастья. Теперь Яша ждала, как же подруга умудриться извернуть и этот, сам собой разумеющийся, постулат. И подруга умудрилась.

- Вот пусть ценит, - подытожила Татьяна. – Твое место не у ног его, а на алтаре перед ним – пред восторженным и коленопреклоненным.

Яша не сдержалась и прыснула – подруга явно начиталась стишков с женских форумов, из серии «Я женщина, а значит, я – богиня!».

2.

- Нет ничего смешного, - обиделась Татьяна. – Все запущено, Яша, все тоскливо в твоей жизни. И так будет продолжаться до тех пор, пока ты кардинально не сменишь ракурс мировосприятия. Твою позицию «женщина для мужчины» нужно перевернуть с головы на ноги. Мужчина для женщины – и никак иначе!

- Мне казалось, – попыталась Яша даже не возразить, не

поспорить, а просто вставить ремарку, - что у каждого в паре свои функции. Создавать уют и хранить тепло очага – разве не женская миссия?

- Казалось ей! – прямо-таки подскочила на стуле Татьяна, расплескав красное вино из бокала на маленькую светлую скатерть, покрывавшую центр кухонного стола. – Запомни и запиши: в паре власть у той половины, чье чувство менее сильное.

- Гениально! – искренне восхитилась Яша.

- Не я придумала, - честно призналась Татьяна. – В каком-то фильме подслушала. Но сути это не меняет. Либо ты ему угождаешь, либо он за тобой бежит.

Яше претил сам набор слов, которые использовала Татьяна. «Кодекс Боевой Подруги» не подразумевал таких действий – бегать, угождать. «Кодекс» был нужен для того, чтобы свести к минимуму многочисленные несоответствия, различия между мужчиной и женщиной, чтобы сделать совместное житье-бытье максимально комфортным. И только. Но Яша даже не пыталась разъяснить это Татьяне – слишком велика пропасть, слишком далеко разнесены берега этой реки – реки взаимопонимания.

- Тебе, Яша, надо учиться, - назидательно сказала Татьяна.

- Чему учиться? – поинтересовалась Яша.

- Учиться делать правильные выводы из жизненных уроков, - пояснила Татьяна. – Вот что, например, ты уяснила из общения с твоими мотоциклистами? Какую «заповедь» вы-

вела?

- «Не психуй», - напомнила Яша.

- Чушь! – постановила Татьяна. – Что за правила у тебя идиотские? Натягиваешь на себя, как презерватив на голову. Ты бы лучше выводила законы для этих горе-любовников. Почему же не подсказать им элементарные вещи: проявляйте внимание к своей женщине, комплименты говорите, дарите цветы, наконец?!

- Это уже будет их «Кодекс», не мой, - пожала плечиками Яша.

- Да какая разница, чей кодекс? – совершенно не поняла подругу Татьяна. – Отношения же общие.

- Отношения общие, - кивнула Яша. – Но функции в этих отношениях разные. Чтобы уважать спутника, нужно, в первую очередь, уважать себя и свой выбор. Вот для этого, в том числе, мне и нужен «Кодекс».

- Что-то ты, подруга, замутила, - скривилась Татьяна - то ли от Яшиных слов, то ли от кислого вина в бокале. – Сама себя хоть понимаешь? На философию потянуло? Хорошо, отвечу в твоём ключе: мужчина должен быть тебя достоин, и чтобы ты его уважала, он должен уважать себя – согласна, - но не самого себя, любимого, а себя как твоего мужчину. Уважать себя в тебе.

- И кто из нас замутил? – рассмеялась Яша.

3.

Татьяна и сама «зависла» от глубины собственных умоза-

ключений. Яша с улыбкой смотрела, как подруга потешно шевелит губами – так на лице Татьяны отражались хаотические скачки внутренних раздумий, резво несущихся вдаль от здравого смысла в царство женской логики. В этом парадоксальном царстве не было больших и малых предпосылок, силлогизмы имели совершенно иную структуру, не было мотивирующих основ и мотивированных суждений. Яша, не удержавшись, даже захлопала в ладоши, когда Татьяна справилась с крутыми извивами и вновь встала на рельсы. Звучало это так:

- Вот проснулся он, посмотрел на тебя – и должен улыбаться от счастья, от того, что ты у него есть. Почему ты смеешься все время?

- Непривычно, - Яша постаралась взять себя в руки.

- Что именно непривычно? – нахмурила брови Татьяна.

- Два этих слова рядом: «должен улыбаться». Непривычно, - охотно пояснила Яша. – Никто не должен улыбаться. Улыбка – спонтанная мимическая реакция.

- На что реакция? – коварно спросила Татьяна.

- На хорошее настроение, на теплые внутренние мысли, на комфортное состояние, на ощущение счастья, - легко, не задумываясь, стала перечислять Яша.

- Вот и привыкай, подруга, - восторжествовала Татьяна, - что он рядом с тобой должен быть в хорошем настроении, и думать должен о хорошем, и чувствовать себя хорошо, и... Что там еще? Ах, да! Он должен быть рядом с тобой счаст-

лив.

- Именно, - кивнула Яша. – Мужчина должен быть счастлив рядом со мной. Это значит, что я должна сделать его счастливым. В этом же предназначение женщины – делать мужчину счастливым.

- Дура! – возмущенно вспылила Татьяна. Глотнула вина, выдержала паузу, остыла и только тогда продолжила:

- Конечно, ты можешь о нем заботиться. По мелочи: чай заварить, рубашку погладить... Но в принципиальном, глобальном смысле...

- В концептуальном, - подсказала Яша.

- Не морочь мне голову, - огрызнулась Татьяна. – Короче, счастливой должен делать он тебя, а не ты его.

- Ты сейчас о счастье или о ролевых сексуальных играх? – Яша не могла настроить себя на серьезный лад, она скользила над этим бессмысленным разговором, но подруга спорила всерьез, по-настоящему – нужно было проявлять уважение, хотя бы из благодарности за то, что Татьяна так увлекательно скрасила этот одинокий Яшин вечер. – Если счастлив мой мужчина, то как же я могу быть несчастна? Все ж в плотной взаимосвязи.

Татьяна только в безнадежном отчаянии махнула рукой: Яша – неизлечимый пациент.

- Всегда думала, что есть мужчины – сволочи, что становятся они такими из-за своего не в меру раздутого эго, - Татьяна вздохнула траурно, как у постели тяжелобольного. –

Но теперь понимаю другое: раз существуют такие женщины, как ты, которые сами жаждут, чтобы их унизили, то у мужчин просто нет другого выхода, как становиться сволочами.

- Унизили? – заинтересовалась Яша. – То есть сделали ниже?

- Да, - резко и зло кивнула Татьяна. – Когда мужчина ниже тебя, он всегда стремится самоутвердиться за твой счет. Сделать тебя еще ниже себя самого.

4.

- Вот тут я соглашусь с тобою без каких-либо возражений, - впервые серьезно за сегодняшний вечер сказала Яша. - Мужчина должен быть выше. Выше по определению. Мне нравится смотреть на мужчину снизу вверх. В его силе – мое спокойствие. Если ты смотришь на мужчину сверху вниз (я не о росте, конечно), то, может, ты просто поспешила с выбором и стоит поискать еще?

- Ах, оставь! – Татьяна прижала кисть руки тыльной стороной ко лбу. Интонации и жест были чрезмерно театральными. – Мужчины – существа слабые, беззащитные. Без нас ни шагу по жизни ступить не могут. Диван, футбол, пиво – вот и все их приоритеты.

- Мне повезло, - улыбнулась Яша. – Из тех мужчин, что были мне близки, кроме Ильдара, ни один не увлекался футболом.

- И байкеры твои тоже? – не поверила Татьяна.

- Не знаю, - честно призналась Яша. – Они не были мне

настолько близки, чтобы я интересовалась их увлечениями.

- Но ты же не будешь отрицать, что мужчины не должны отказываться от нашей помощи? – Татьяна потеряла интерес к байкерам.

- Конечно, не буду, - Яша вновь пожала плечиками. – Инициировать, вдохновлять, быть рядом, верить – кто же, если не мы? Мы же их музы.

- Вот говоришь правильно, а выходит бред, - подозрительно прищурилась Татьяна. – Ты издеваешься?

- И не думала даже! – рассмеялась Яша и подняла свой бокал. – За тебя. За твою мудрость, прозорливость и проницательность.

Татьяна тост приняла, но бдительность не утратила.

- Мы бегаем по кругу, - покачала она головой. – Снова-здорово: быть рядом. И снова повторяю: вот пусть он и будет рядом. Пусть поддерживает, опекает, заботится.

- Давай перестанем кружить! – взмолилась Яша. – Если рядом буду я, то и он никуда не денется – чистая физика. Что там у тебя по списку дальше?

- А что ты уже уяснила? – в голосе Татьяны зазвучали менторские нотки.

- Мужчина должен... - начала Яша

- И это главное! – возрадовалась Татьяна. – Мужчина должен! Уяснила?

- Непреложно! – важно кивнула Яша и продолжила, загибая пальцы:

- Должен принимать меня такой, какая я есть; не оскорблять подозрениями; быть достойным меня, умницы-красавицы; проявлять внимание; дарить цветы, комплименты говорить...

- Это туда же, - торопливо перебила Татьяна, которая не загибала пальцы вместе с Яшей, а записывала за нею собственные постулаты в колонку рядышком с немногочисленными пока заповедями Яшиного «Кодекса». – Это к «проявлять внимание».

- Улыбаться должен, - продолжила Яша. – Ценить, что вместе со мной. И ни в коем случае не пытаться унижить.

5.

- У тебя отменная память, - похвалила Татьяна. – Восемь пунктов вышло.

- Жду дальнейших назиданий! – отрапортовала Яша.

- Не ерничай, - сказала Татьяна покровительственно. – Потом спасибо скажешь.

- Я и сейчас скажу, - улыбнулась Яша. – Спасибо. Нет, правда, что еще мне стоило бы запомнить?

- Лучше спроси, что бы тебе следовало забыть, - Татьяна тоже улыбнулась, оставив серьезный тон. – Вот это: «Умей стать незаметной» - забудь немедленно.

- Почему? – наивно спросила Яша, постаравшись добавить во взгляд «жалостливости».

- Потому как это противоречит всему, что только что было сказано, - пояснила Татьяна. - Все его внимание, когда вы

вместе, должно быть до краев заполнено тобой. Он должен на тебя смотреть, он должен тебя слушать, он должен с тобой говорить...

- Он должен мне улыбаться! – четко дополнила Яша, как примерная ученица на любимом уроке.

- И восхищаться тобой, - быстро подхватила Татьяна, но тут же посмотрела на подругу настороженно: не пытается ли подруга шутить с вещами онтологического толка? Но Яша с весьма сосредоточенным видом загнула десятый палец.

- Все? – спросила она. – Десять – круглое число.

- Какое там! – Татьяна только разошлась. – Учим далее. Кто должен быть у твоего мужчины на первом месте?

Вопрос был настолько примитивным, что Яша просто не захотела отвечать на него с первой попытки.

- Работа? – с «надеждой» спросила она; Татьяна покачала головой, загадочно прищурясь. – Друзья? Личная свобода? Увлечения?

- Не строй из себя дурочку, - наконец разозлилась Татьяна. – Ты. Ты должна быть у мужчины на первом месте.

- Не подумала, - «опечалилась» Яша. – Если я все равно уже у него есть, если я как бы сама собою разумеюсь, то зачем говорить о каких-то местах? Мы что, на турнире? У нас состязания, кто первый, кто второй?

- А тут не уместны никакие соревнования, - Татьяна категорически отмела досужие сомнения. – Победитель всегда один. Вернее, одна, потому что этот победитель – ты!

- А если мой мужчина не согласен? – озадачилась Яша. – Если он привык идти по жизни победителем? Если он привык сам принимать решения, ставить цели, обходить соперников у финиша? Если он – как же это в рыночных терминах? – конкурентоспособен? Не захочет ли он самоустраниться от женщины с претензиями на лидерство в семье?

- Какой же он тогда победитель? – Татьяна, торжествуя, вновь загнала подругу в логический тупик.

- Хорошо, - смирилась Яша, - пусть не самоустранится, пусть начнет доказывать мне, что он – ого-го! Значит, так и будем жизнь коротать – в схватках, битвах, сражениях с переменным успехом?

6.

- Не передергивай, подруга, - Татьяна уже потеряла интерес к очередному нежизнеспособному положению своего свода, она жаждала новых творческих свершений. – Какова основа любых взаимоотношений?

- Какова? – Яша постаралась скопировать интонации вопроса.

Татьяна погрозила подруге пальцем: не кривляйся! – и продолжила:

- Основа любых взаимоотношений – доверие! Твой мужчина должен безраздельно доверять тебе. И, конечно же, доверяться.

- Полностью? – уточнила Яша.

- А как иначе? – удивилась Татьяна. – Что ж за доверие,

если не полностью?

- Незадача, - погрустнела Яша.

- В чем проблема? – насторожилась Татьяна.

- Не уверена, что выдержу, - пояснила Яша. – Если он полностью мне доверится. Если он вывалит на меня все, что знать необязательно, что я сама знать не хочу. Одно дело – сходить на экскурсию в его мужской ад; другое – жить в этом аду постоянно.

- Так пусть ведет себя так, чтобы его жизнь не была для тебя адом. Тебе Звезды было мало?

- Вот не я о нем вспомнила, - улыбнулась Яша. – Мужчина сам решает, как ему жить. Женщина ему не указ. А если – указ, то зачем такой мужчина, которому можно указывать? Да и ему зачем такая – указующая – женщина? Я готова понять, я готова сопереживать, готова разделить любой груз, но лишь в той мере, в которой он сам считает нужным посвящать меня в свои переживания. В конце концов, мужчина лучше знает, что нужно его женщине.

- С ума сошла? – Татьяна смотрела на подругу так, будто та действительно лишилась рассудка. – С тобой бесполезно разговаривать. Я, пожалуй, пойду.

- Не злись! – весело засуетилась Яша. – Все-все, я не спорю, внимаю, учусь, я вся превратилась в слух.

- То-то, - оттаяла Татьяна. – На чем остановились?

7.

- На доверии! – с готовностью напомнила Яша.

- На доверии, - кивнула Татьяна. – А доверие тесно связано с верой.

- В бога? – тут же спросила Яша.

- Друг в друга, - поправила Татьяна. – Он должен тебе верить. Верить тебе и верить в тебя.

- А если я солгу? – на всякий случай уточнила Яша.

- Ну, без надобности лучше не лгать, - посоветовала Татьяна.

- А если есть такая надобность? – настаивала Яша.

- Лги так, чтобы он не заподозрил обман, не потерял веры, - Татьяна даже развела руками, настолько непреложной была сия истина.

- А как же доверяй и доверяйся? – наивно спросила Яша.

- Во-первых, не путай божий дар с яичницей. В том и состоит – по сути – разница между твоим и моим «Кодексами»: ты придумываешь правила для себя, а я устанавливаю законы для мужчин. – Татьяна говорила с такой бесхитростной серьезностью, что Яша сдалась – никогда ей не изобразить наивность так естественно, так реалистично, только потому, что она, Яша, наивность изображает, а Татьяна с нею, наивностью, живет. - А во-вторых, все хорошо в меру, в том числе и доверие, и вера. Любая женщина, - а тем более мы с тобой, - способна даже ложь подать так, что ни один мужчина не усомнится, что это чистая правда. Так что будет верить, никуда не денется. Но главное, чтобы не только верил тебе, но еще и верил в тебя.

- В чем отличие? – Яша даже взяла ручку и подвинула к себе листок бумаги, уже исписанный Татьяной. Татьяна листок вновь забрала, но отличие разъяснила:

- Вот я, например, собираюсь открыть бизнес. И мой Негоциант в меня верит – обещал полностью покрыть стартовые расходы.

- Какой бизнес? – искренне заинтересовалась Яша.

- Не знаю пока, - Татьяна безразлично пожала плечами. – Может, белье буду шить. Может, собакам прически делать. А может, и людям – салон открою. Поможешь профессиональным советом?

- Помогу, - кивнула Яша. – Не открывай.

- Что «не открывай»? – не сразу поняла Татьяна.

- Мой профессиональный совет: не открывай салон, - пояснила Яша.

- Да иди ты, - без злости послала Татьяна собеседницу. – Вот видишь, ты в меня не веришь. А мой Негоциант – верит. И знаешь, почему?

Яша всем своим видом показала, что не знает.

- Потому что любит, - Татьяна протянула «у», чтобы стало понятно, как именно любит – сильно-сильно, аж до неба.

- Ты его не обманываешь? – вдруг спросила Яша.

- Стараюсь, - чуть подумав, ответила Татьяна.

- А он тебя?

- Да уж – меня обманешь! – Татьяна округлила глаза, давая понять, что сие невозможно есть по определению. – Тут

же почувствую. Кроме того, зачем? – Татьяна встала во весь свой модельный рост и провела рукой от плеча к бедру. – Посмотри на меня. Чего ему еще желать?

- Только одного, - согласилась Яша, - не сдохнуть от счастья.

Яша смотрела на Татьяну и не могла понять: за этот период жизнь преподала Яше несколько важных уроков; из каждого Яша сделала вывод, каждый жизненный урок внес коррективы в «Кодекс Боевой Подруги»; почему же Татьяна замерла в некоей точке развития, такой удобной для нее самой, но такой далекой от действительности?

8.

- Так что он со мной честен и открыт, - Татьяна снова уселась за стол и наполнила вином бокал. – И вообще, он хороший: оберегает меня, практически сдувает пыль. Интимная близость для него – ценный подарок, валюта, не подверженная инфляции. Иногда забавный такой бывает: станет, как суслик, лапки вот так вот сделает, - Татьяна показала, как именно муж делает лапки, - и просит-просит-просит. Смешной. Как будто я и так не дам. Хотя... Иногда не даю – держу в черном теле. Зато потом могу просить, что угодно. Безотказная схема. Сидит и покорно ждет, пока я соизволю упасть в его объятия.

- Это комфортное для него состояние? – поинтересовалась Яша.

- В смысле? – не поняла Татьяна.

- Я имею в виду, не играет ли он? – пояснила Яша. Как, как подруга может быть настолько простодушной?

- В мелочах – конечно, - Татьяна была непробиваема. – Но в главном – нет. Ты же знаешь, как я не люблю кривляний. Он просто обязан быть самим собой. – Глянув на часы, Татьяна засобиралась. – Все, теперь мне точно пора. На пошок.

Выпили, но Татьяна уходить не спешила.

- Знаешь, Яша, - Татьяна чуть поплыла от выпитого вина, - мужчины могут сделать очень больно.

- Знаю, - весело кивнула Яша. – Иногда я сама их об этом прошу.

Татьяна долго и печально смотрела на Яшу, вернее, куда-то мимо нее – на кухонную стену с навесным календарем. Потом продолжила:

- Все тебе глупые шутки шутить... Тебя что, не предавали никогда?

- А что такое предательство? – Яша склонила голову набок, наблюдая за подругой. – Разочарование от несбывшихся ожиданий? Так незачем строить чрезмерные ожидания, чтобы не постигли разочарования.

- Подлость, измена, низость – все то, чего и вообразить не можешь, - Татьяна перечисляла медленно и глухо.

- Не знаю, - честно призналась Яша. – Либо не доходило до такой степени близости, либо просто я готова к неожиданностям. Я многое могу вообразить – фантазия хорошо развита.

Все мы люди – нам свойственно ошибаться, чудить, – (Татьяна даже поморщилась от такой банальщины.) – А некоторые действия – так вообще совершаем в силу своей природы. Мужчина-однолюб, например, должен непременно сходить к врачу.

- Пошла ты! – теперь уже довольно зло объявила Татьяна и резко встала из-за стола.

В прихожей Татьяна оттаяла и, доверительно придерживая Яшу за руку, зашептала ей почти в нос:

- Никогда - слышишь? – никогда не позволяй ему спорить с тобой. Ни по какому поводу. Даже из-за цвета волос или из-за узора на маникюре...

- Если мой мужчина будет интересоваться такими сугубо женскими мелочами, то я сама не стану с ним спорить, - завила Яша подругу. – Восприму как знак высшего благоволения.

Татьяна выпустила Яшину руку – лишь для того, чтобы свершить безнадежный взмах. Сама открыла входную дверь и скрылась в сумерках лестничного пролета. Каблучки стучали редко и нечетко – вторая бутылка вина все же была лишней.

Яша аккуратно, чтобы не хлопнуть, прикрыла дверь и дождалась, пока в подъезде не станет тихо.

- Ко-ко-ко, - сказала Яша безмолвной двери.

Вернувшись на кухню, Яша некоторое время изучала исписанный Татьяной лист. После десятого пункта «Антико-

декса» стенограмма беседы обрывалась – было не до того. Самое тяжелое испытание на пути становления боевой подруги – не увязнуть в том болоте, из которого только-только удалось вырваться.

- Ко-ко-ко, - еще раз прокудахтала Яша и, тщательно смяв листок в маленький бумажный ком, метко метнула его в мусорную корзину.

Триммер 6. Чти.

1.

Татьяна появилась вновь уже на следующий день. Она во-рвалась в будни салона красоты с праздной беспечностью выходного дня. Все лукавые мудрствования вчерашнего вечера были забыты или отложены в долгий ящик. Татьяна пришла с иными намерениями.

- Мы едем! – как всегда, без приветствия объявила она Яше, водружая на стойку администратора рекламный буклет.

Яша просмотрела буклет даже с некоторым любопытством. Иллюстрации на глянцевом развороте ярко и выразительно повествовали о шарме узких улочек средиземноморских городов, о прелестях средиземноморской же кухни, о комфорте и шике круизных лайнеров. И все за какие-то смешные четырехзначные суммы в евровалюте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.